

Прокуратура Приморского края
Совет ветеранов Прокуратуры Приморского края

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН ВАМ, ВЕТЕРАНЫ!

*Посвящается ветеранам прокуратуры Приморского края –
участникам Великой Отечественной войны*

Владивосток
Издательство Дальневосточного университета
2010

УДК 908
ББК 26.891
3-52

Автор-составитель:

Л.А. Совгир, старший помощник прокурора Приморского края в отставке, старший советник юстиции, почетный работник прокуратуры РФ, ветеран прокуратуры РФ, награждена Генеральным прокурором РФ медалью «Ветеран прокуратуры РФ» и знаком верности закону 1-й степени

В сборе материала принимала участие *Г.В. Гладкова*, старший помощник прокурора Приморского края по кадрам, старший советник юстиции, почетный работник прокуратуры, награждена Генеральным прокурором РФ медалью «Ветеран прокуратуры РФ»

Земной поклон вам, ветераны! Посвящается ветеранам прокуратуры Приморского 3-52 края – ветеранам Великой Отечественной войны / [авт.-сост. Л.А. Совгир]. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – 44 с. : ил.

Издание посвящено ветеранам прокуратуры Приморского края – участникам Великой Отечественной войны и труженикам тыла, которые прошли все невзгоды фашистского террора, а потом беззаветно служили своей родине на трудовом фронте, защищая закон. Книга содержит биографические данные, воспоминания самих ветеранов, а также их фотографии.

УДК 908
ББК 26.891

© Совгир Л.А., составление, 2010
© Оформление. Издательство
Дальневосточного университета, 2010

Ветераны Великой Отечественной войны

Вам, ветераны, мужественно сражавшиеся на фронтах Великой Отечественной войны за честь и свободу Родины, вынесшие на своих плечах тяжелейшие испытания из тех, какие когда-либо выпадали на долю человека, чьи сердца согрели и вдохновили нас, посвящается эта книга.

Военный пожар, вспыхнувший в сентябре 1939 года в центре Европы, охватывал одно государство за другим. Из Польши пламя войны вскоре перекинулось на страны Северной и Западной Европы, а затем и на Балканы. Военные действия фашистская Германия развернула в Атлантике, Северной Африке и на Средиземном море. В Азии Япония продолжала агрессию в Китае, стремилась утвердиться во французском Индокитае. К июню 1941 года Вторая мировая война втянула в себя около 30 государств с населением более миллиарда человек и поглотила сотни тысяч человеческих жизней.

Фашистская Германия к тому времени уже добилась в Европе крупных успехов. Она последовательно оккупировала девять государств, в том числе такую сильную капиталистическую страну, как Франция. В Польше, Дании, Нидерландах (Голландии), Норвегии, Бельгии, Люксембурге, Югославии, Греции был установлен нацистский «новый порядок». Великобритании — единственной из противников Германии — удалось избежать полного поражения.

Соединенные Штаты Америки пока не участвовали в войне, но оказывали политическую, экономическую и отчасти военную помощь англичанам.

Положение в мире весной 1941 года характеризовалось сложностью межгосударственных отношений, таивших опасность дальнейшего расширения мировой войны.

К июню 1941 года агрессивный блок расширился и укрепился. Наиболее реакционные силы мирового империализма — Германия, Италия и Япония — еще осенью 1940 года заключили тройственный военно-политический союз (Берлинский пакт) с целью более тесной координации своих действий. Позже к нему присоединились королевская Румыния, хортистская Венгрия, царская Болгария, Словакия и Хорватия. В военный сговор с Германией вступила также Финляндия. Участники тройственного пакта признавали главенствующую роль Германии и Италии в установлении «нового порядка» в Европе и Африке, а Японии — в создании «сферы сопроцветания великой Восточной Азии».

На рассвете 22 июня 1941 года фашистская Германия, вероломно нарушив договор о ненападении, внезапно, без объявления войны, обрушила на Советский Союз удар огромной силы.

В 12 часов дня 22 июня 1941 года по радио выступил народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов. В своем выступлении он указывал, что нападение гитлеровской Германии на СССР явилось беспрецедентным в истории цивилизованных народов вероломством.

Миллионы советских людей, сменив рабочую одежду на солдатскую шинель, уходили в армию и на флот. А те, кто не подлежал призыву, записывались в народное ополчение.

За короткий срок в армию влились 36 ополченческих дивизий. Неудержимое стремление сразиться с немецко-фашистскими захватчиками проявила молодежь. 3,5 миллиона юношей и девушек ушли на фронт. Именно молодежь составляла основную массу войск действующей армии.

Куликов В.Д.

Среди них был и **Владимир Дмитриевич Куликов**, который в 17 лет ушел добровольцем на фронт, воевал с марта 1942 по август 1943 годов в воздушно-десантных войсках на Сталинградском фронте. Был тяжело ранен, направлен в госпиталь и комиссован. За участие в боевых действиях награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

Гражданскую службу начал с работы секретаря в прокуратуре Приморского края, а через три месяца был переведен в народные следователи. В его послужном списке должности старшего следователя прокуратуры Приморского края, прокурора городов Арсеньева, Уссурийска, заместителя прокурора Приморского края. Он был высокообразованным юристом, талантливым организатором. Награжден медалью за доблестный труд в Великой Отечественной войне, многократно поощрялся генеральным прокурором СССР, в т.ч. был награжден именными часами и другими ценными подарками. В 1968 году трагически погиб в автоаварии.

Худяков Ф.К.

Для **Федора Константиновича Худякова**, 19-летнего юноши, служба в армии началась в феврале 1941 года.

Вот как вспоминает он первые дни войны.

«Я был призван на действительную военную службу ВКК курсантом Бердичевской полковой школы младших командиров г. Бердичево, Киевский особый военный округ.

18 июня 1941 года школа вышла на учение в Луцком направлении, а 22 июня над нашей маршевой колонной пролетела большая группа самолетов. Мы полагали, что это учебные полеты наших авиаторов.

Через 20 минут послышались глухие взрывы, это немецкие самолеты бомбили наши города: Киев, Шепетовку (узловая станция), Казакин, Бердичев, Житомир.

Утром 22 июня мы слушали выступления В.М. Молотова и узнали о вероломном нападении Германии на Советский Союз. С 22 по 28 июня 1941 года я принимал уча-

стие в боях с немцами в районе Слуцкого направления, был тяжело ранен (осколочное ранение и контузия).

С 28 июня до середины июля 1941 года находился в госпитале г. Константиновка Ростовской области.

При выписке из госпиталя медицинская комиссия признала меня годным к нестроевой службе в тылу во время войны. Находился на лечении до октября 1941 года.

С октября 1941 года служил в запасных частях Уральского военного округа. После излечения много, очень много пришлось прошагать по фронтовым дорогам. И не только изнемогать от усталости, бессонницы, но и ежеминутно ощущать дыхание смерти.

В ноябре 1941 года часть направили на Сталинградский фронт.

В мае 1942 года политуправлением 46-й механизированной бригады я был принят кандидатом в члены ВКПБ.

Вместе с частью принимал участие в боях в составе Южного 4-го, 3-го, 2-го Украинского фронтов.

В августе 1944 года был ранен вторично. Лечился в госпитале г. Одессы. После выписки направили в батальон выздоравливающих. Случайно встретил офицера из своей гвардейской механизированной 46-й бригады, которую переименовали в 14-ю Гвардейскую Нежне-Днепровскую механизированную бригаду. С ним догнал свою часть и принял участие в Яско-Кишиневской операции по изгнанию румынских и немецких войск из Болгарии и Югославии. В 14-й бригаде я был назначен делопроизводителем штаба полка 39-го Гвардейского Бургасского танкового полка. В этой должности я находился до октября 1944 года. С октября 1944 года по май 1945 года на территории Югославии, Венгрии, Чехословакии участвовал в боях.

В мае 1945 года назначен на должность начальника контрольно-пропускного пункта в Венгрии (где стояла бригада).

В мае 1946 года демобилизован, часть в это время находилась в Болгарии. За боевые достижения награжден многими орденами и медалями.

После демобилизации вернулся в Челябинск. В феврале 1947 года райком партии рекомендовал меня для работы в прокуратуре г. Челябинска на должность народного следователя прокуратуры Металлургического района, работал старшим следователем, исполнял обязанности начальника следственного отдела прокуратуры г. Челябинска. В 1967 году был командирован для работы в прокуратуру Приморского края и назначен старшим помощником прокурора края по делам несовершеннолетних. В этой должности служба прошла до ухода на пенсию в январе 1984 года.

Уже в первые дни войны советские войска оказали врагу такое упорное сопротивление, какого он никогда не встречал. На смерть стояли защитники Брестской крепости. Бесстрашно сражались войска в районе Лиспаи, Ровы-русской, Могилева, Перемышля, на подступах к Смоленску.

Взятию Москвы – важнейшего политического, экономического и культурного центра – гитлеровцы придавали исключительное значение. «Захват этого города означал как с политической, так и с экономической стороны решающий успех», – говорилось в основной директиве плана «Барбаросса». Падение Москвы должно было

продемонстрировать всему миру триумф стратегии «молниеносной войны», послужить последним доказательством «неотразимости» немецкого оружия.

Осенью и зимой 1941 года главной линией противоборствующих армий стало московское направление. Враг рвался к Москве. Большую роль в упрочении обороны Москвы сыграло постановление Государственного Комитета Обороны от 19 октября 1941 года о введении в городе и прилегающих к нему районах осадного положения. В этом постановлении говорилось, что Родина требует от каждого величайшего напряжения сил, мужества, героизма и стойкости. Родина зовет стать нерушимой стеной и преградить путь фашистским ордам к родной Москве. Сейчас, как никогда, требуется бдительность, железная дисциплина, организованность, решительность действий, непреклонная воля к победе и готовность к самопожертвованию.

Население Москвы активно включилось в строительство внешнего оборонительного пояса и возведение укреплений внутри города. В исключительно короткий срок подступы к Москве опоясали противотанковые рвы, лесные завалы, металлические ежи.

В те трудные дни советские люди отмечали 24-ю годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции. Торжественное заседание Московского Совета депутатов трудящихся проходило 6 ноября 1941 года, парад войск на Красной площади 7 ноября и выступление на нем председателя ГКО И.В. Сталина сыграли важную роль в укреплении уверенности народа и армии в том, что враг под Москвой будет остановлен, что здесь, у стен столицы, начнется разгром гитлеровских захватчиков.

Сталин И.В.

Обращаясь к воинам, уходившим с Красной площади на фронт, **И.В. Сталин** от имени партии и народа говорил: «На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков как на своих освободителей». Речь заканчивалась словами: «Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина! Под знаменем Ленина – вперед, к победе!»

Тысячи известных и неизвестных героев совершили замечательные подвиги во имя защиты нашего Отечества.

Среди них отмечены ратные подвиги наших коллег, которых сейчас уже нет с нами: Василия Владимировича Петрова, Бориса Ивановича Колесникова, Егора Константиновича Лелюхина, Петра Григорьевича Борзова.

Героизм сражавшихся и павших в 1941 году закладывал фундамент нашей великой Победы, вдохновляя миллионы советских людей на новые подвиги.

В этот период особенно напряженными были бои под Ленинградом.

Войска Ленинградского фронта продолжали совершенствовать оборону на южных подступах к городу. Ленинград, в котором помимо защищавших его войск находилось свыше 2,5 миллиона человек населения, продолжал оставаться для германского командования важной стратегической целью. Не овладев городом при прямом штурме, противник

подвергал его варварским артиллерийским обстрелам, которые продолжались в течение длительного периода времени. Город подвергался также интенсивным ударам с воздуха.

Воодушевленные стремлением окончательно снять блокаду города, бойцы и командиры не щадили себя. Их выносливость, самоотверженность, высокий наступательный порыв, взаимная выручка в бою — главная причина успешного разгрома фашистов под Ленинградом и снятия блокады с города-героя.

«Ленинградская победа, — отмечал М.И. Калинин, — это военная победа, имеющая значение не только для Ленинграда, но и для всего хода борьбы советского народа против немецких захватчиков».

Труден, очень труден и тяжел был путь солдата от первого до последнего выстрела войны. Об этом могли бы рассказать ветераны войны, работавшие среди нас. Могли бы, но тяготы фронтовых лет подорвали их здоровье, и они раньше времени ушли из жизни.

Скромнен был солдат Победы **Константин Романович Бугаев**.

В то ранее утро 22 июня 1941 года его, командира пехотного отделения, разбудили взрывы немецко-фашистских бомб, сброшенных на г. Житомир. Так началась военная дорога Константина Романовича. В составе Юго-Западного фронта он познал горечь отступления до Тулы. Защищая столицу на дальних подступах, в очередной атаке 24 декабря 1941 года он был тяжело ранен. Госпиталь, излечение — и снова фронт, но теперь уже Ленинградский. Более года Константин Романович был участником героической Ленинградской обороны. 16 февраля 1943 года при очередном артналете он вторично был тяжело ранен. И снова госпиталь. После выздоровления судьба привела его в части, сражавшиеся на Курской дуге.

Бугаев К.Р.

Из этой грандиозной битвы он вышел невредимым. Улыбнулось солдатское счастье. Но улыбка была мимолетной. В сражении под Кенигсбергом он был ранен в третий раз. Два месяца залечивал ранения Константин Романович — и снова в бой. Победный салют он услышал в Северо-Западной Германии. За проявленное мужество и отвагу К.Р. Бугаев награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

Не менее яркая боевая биография у танкиста **Сергея Игнатьевича Уколова** — командира взвода танковой бригады 5-го танкового корпуса имени ордена Суворова Прибалтийского фронта. В боях 1944 года, защищая подступы к Ленинграду, был тяжело ранен. За боевые заслуги был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» и другими.

С 1950 по 1979 годы трудился в прокуратуре Приморского края на различных должностях.

Уколов С.И.

Ишутин М.П.

Михаил Прокопьевич Ишутин, артиллерист, защитник г. Ленинграда, был призван в армию в 1941 году и направлен на Северо-Западный фронт в 19-й артиллерийский полк. В 1943 году в боях был тяжело ранен. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». После демобилизации из армии работал в прокуратуре Приморского края.

Двадцать пять месяцев продолжалась героическая эпопея Ленинграда.

В своем выступлении Л.И. Брежнев сказал: «История знает немало примеров героической обороны крепостей и городов. Но легенды седой старины и трагические страницы не столь далекого прошлого бледнеют перед той несравненной эпопеей человеческого мужества, стойкости, патриотизма, какой была героическая 900-дневная оборона осажденного Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Это был один из самых выдающихся, самых потрясающих массовых подвигов народа и армии во всей истории войн на земле».

Вскоре на весь мир прогремело слово «Сталинград».

Огромное военное и политическое значение имела Сталинградская битва.

В ночь на 12 июля 1942 года фашистские войска вторглись в пределы Сталинградской области.

Бои передовых отрядов знаменовали собой начало великой Сталинградской битвы. В кровопролитных июльских и августовских боях советские войска проявили стойкость, самоотверженность и воинское мастерство. Высокая доблесть и героизм были присущи не только отдельным бойцам и командирам, но в целом подразделениям, частям, соединениям.

Героическая оборона города на дальних подступах преградила врагу путь и позволила советскому командованию выиграть время для организации прочной обороны на ближних подступах к Сталинграду и в самом городе.

Жуков Г.К.

О героических делах защитников города в критические сентябрьские дни обороны Сталинграда маршал Советского Союза **Г.К. Жуков** в своих мемуарах писал: «13–15 сентября 1942 года для сталинградцев были тяжелыми, слишком тяжелыми днями. Противник, не считаясь ни с чем, шаг за шагом прорывался через развалины города все ближе и ближе к Волге. Казалось, вот-вот не выдержат люди. Но стоило врагу броситься вперед, как наши славные бойцы 62, 64-й армии в упор расстреливали его. Руины города стали крепостью».

Весь мир следил за мужественной борьбой сталинградцев. Советские воины проявляли беспримерную стойкость и упорство, сражаясь не только за освобождение улиц и домов.

В тяжелых Сталинградских боях сражался с гитлеровскими захватчиками **Василий Владимирович Петров**. Вся Сталинградская эпопея — это не только глава в биографии воина, не только радость выигранной битвы, но и потеря здоровья. Командир роты при очередной атаке был ранен в голову. Госпиталь, а потом снова бои за освобождение Украины — Кировограда, Харькова. Упорные кровопролитные бои. Опять ранение, и опять в голову. Выжил русский солдат Петров. И не только выжил, а вновь, уже комбатом, освобождал от фашистского ига Румынию. Раны дали о себе знать, и Василия Владимировича Петрова, как тогда говорили, комиссовали. Победу, к которой он шел нелегким путем и ковал вместе с другими, он встретил на пороге своего дома. А в дальнейшем жизнь его была связана с работой по укреплению социалистической законности и в борьбе с преступностью. Последние годы жизни он работал прокурором г. Артема, всегда был примером не только для своих подчиненных, но и для подрастающего поколения.

Петров В.В.

В.В. Петров за боевые заслуги перед своей Родиной награжден орденом Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды.

Борис Иванович Колесников представлял легендарную артиллерию — грозную «катюшу» (так советские воины любовно называли реактивные установки, наводившие смертельный ужас на вражеских солдат), ее удары уничтожали все живое и мертвое.

Боевое крещение Борис Иванович получил в 1942 году, первоначально под Ржевом в составе Калининградского фронта, а затем в Сталинградской битве до полного разгрома армии фельдмаршала Паулиса. Выстоял, выдержал артиллерист Б.И. Колесников яростные атаки врага под Сталинградом, а затем вместе с другими советскими войсками окружил и победил врагов под Сталинградом.

Колесников Б.И.

Фронтовая биография Бориса Ивановича знаменательна и Курской битвой, в которой его «катюша» выходила на огневые позиции и заводила смертоносные песни для немецко-фашистских захватчиков.

Ему пришлось форсировать Вислу и захватывать Сандомирский плацдарм. При форсировании реки Назив Бориса Ивановича настиг осколок фашистского снаряда. Он был ранен в октябре 1944 года. После выздоровления он не вернулся в строй однополчан, был демобилизован, а впоследствии работал прокурором в отделе прокуратуры Приморского края по надзору за местами лишения свободы. Является кавалером ордена Отечественной войны. За героизм и отвагу был награжден медалями «За оборону Сталинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Не менее яркая боевая биография у связиста **Петра Григорьевича Борзова**, который был призван в ряды Советской армии в 1939 году. В январе 1940 года участвовал в боях с белофиннами, затем в Великой Отечественной войне на Западном и Юго-Западном

Борзов П.Г.

фронтах. За участие в боевых действиях награжден медалями «За оборону Сталинграда», «За отвагу» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», был дважды ранен, демобилизован в связи с ранениями.

После войны работал на освоении целинных земель, награжден 4 юбилейными медалями.

После окончания Свердловского юридического заочного института трудился с 1949 по 1982 годы в прокуратуре на различных должностях в районах Приморского края.

В боях за освобождение Сталинграда сражался **Петр Романович Стеценко**, который был призван на службу в армию в апреле 1941 года. В начале войны был членом, а затем председателем военного трибунала стрелковых 98-й и 86-й дивизий. В составе действующей армии участвовал в освобождении Румынии, Болгарии, Югославии, Австрии, Чехословакии, Венгрии, Польши, Германии. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и пятью медалями, в том числе за участие и взятие городов Белграда, Вены, Будапешта и победу над Германией.

В 1947 году он был назначен прокурором Черниговского, а затем Первоуреченского (г. Владивосток) районов. Уволен из органов прокуратуры в 1963 году.

Стеценко П.Р.

Защитники Сталинграда, среди которых были и наши коллеги, выдержали неоднократные штурмы города, сохранили важный оперативно-стратегический плацдарм для развертывания контрнаступления армии.

Оборонительный период Сталинградской битвы был крупной вехой на пути к победе. Дстойный вклад в Сталинградскую оборону внес советский солдат. Патриотизм, беззаветная храбрость, стойкость, высокое боевое мастерство, героизм – вот что было характерно для всех защитников Сталинграда.

Отдавая дань глубокого уважения защитникам города-героя, Л.И. Брежнев говорил: «Человечество помнит их как героев-сталинградцев. Но пришли они сюда со всех концов страны, и вся наша страна стояла за ними. По зову Родины пришли сюда советские люди, чтобы защитить свободу своего народа. Если бы в окопах Сталинграда не стояли плечом к плечу сыны и дочери России, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Кавказа, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии – не было бы Сталинградской победы.

Если бы не работали дни и ночи заводы на Урале, в Сибири, если бы труженики колхозных полей не совершали ежедневно своего внешне как будто незаметного подвига, не было бы Сталинградской жизни».

Минуло 65 лет с тех пор, как воины-сталинградцы преградили путь агрессору на волжском рубеже. Но интерес к событиям Сталинградской битвы и ее наиболее труд-

ной части — героической обороне волжского бастиона, проявленный во всем мире в ходе войны, сохраняется и сегодня.

Битва под Курском стала одним из важнейших этапов на пути к победе Советского Союза над фашистской Германией. По размаху, напряженности и результатам она стоит в ряду крупнейших битв Второй мировой войны. Битва продолжалась около двух месяцев. За это время на сравнительно небольшой территории произошло ожесточенное столкновение громадных масс войск с привлечением самой современной для того времени боевой техники.

Сокрушительный разгром немецко-фашистской армии на Курской дуге свидетельствовал о возросшей военной, политической, экономической мощи Советского Союза. Победа под Курском явилась результатом великого подвига Советских Вооруженных Сил и самоотверженного труда советского народа, а также партизан, развернувших огромную работу в тылу врага.

Сражения и бои под Курском рождали десятки и сотни тысяч новых героев, среди которых Василий Петрович Сыпко, Егор Константинович Лелюхин, Константин Романович Бугаев, Леонид Михайлович Покровский, Николай Арсентьевич Денисенко.

Разгром фашистских войск под Курском и последующие наступательные операции Советской армии в 1943 году завершили этап коренного перелома в войне, начало которому положила Сталинградская битва.

Теперь же, когда над израненной землей забрезжила, разгораясь с каждым днем, заря победы, дух наступления, дух героизма стал особенно высок. Только при форсировании Днепра в сентябре 1943 года 2438 солдат и офицеров были удостоены звания Героя Советского Союза, при этом большинство были награждены орденами и медалями.

Героизм был не исключением, а правилом, сутью выполнения воинского долга. Не случайно в историю армии и страны вписаны имена представителей всех родов войск, всех видов Вооруженных Сил. Бессмертные подвиги совершались на земле, в воздухе и на воде.

«История знает немало героических подвигов одиночек, — сказал Л.И. Брежнев, — но только в нашей великой стране, только ведомые нашей великой партией советские люди доказали, что они способны на массовый героизм».

Примером может служить героический подвиг **Егора Константиновича Лелюхина**, который под шквальным огнем со стороны немецких фашистов на дырявой лодке, куда было помещено минометное оружие, сумел форсировать Днепр, и не один раз, за что был награжден орденом Красной Звезды. Форсирование Днепра с ходу на подручных средствах после тяжелых наступательных боев является беспримерным в истории войн ратным подвигом.

В августе 1942 года Егор Константинович Лелюхин был призван в Советскую армию и прямо из Нижне-Добринского военкомата вместе с 40 призывниками пароходом был направлен в Сталинград, где в то время как раз разворачивалось одно из величайших сражений Второй мировой войны. Попав под обстрел немецких танков, пароход вынужден был пристать к левому берегу, удерживаемому

Лелюхин Е.К.

советскими войсками. Призывников вернули в военкомат, а затем распределили по воинским частям. Так Егор Константинович Лелюхин попал в Моршанское военное стрелково-минометное училище, курсантов которого, числившихся в составе 19-й стрелковой бригады, еще во время учебы командировали в Сталинград, когда там шли самые жестокие бои.

Окончить училище не удалось: весь курс в марте 1943 года направили как пополнение в 68-ю Гвардейскую стрелковую дивизию, обескровленную в Сталинградском сражении. 5 июля 1943 года дивизия вступила в еще одну грандиозную битву на Курско-Орловской дуге, ведя бои под знаменитой Прохоровкой, где произошло историческое танковое сражение.

С Курской дуги дивизия с боями шла к Полтаве, оттуда ее направили форсировать Днепр. 22 сентября 1943 года 202-й гвардейский полк 68-й гвардейской стрелковой дивизии, в составе которого проходил службу гвардии ефрейтор Е.К. Лелюхин, сбивая заслоны гитлеровцев, вышел к могучей реке у Букринской излучины. Букринская излучина Днепра была удобным районом для форсирования реки с восточного берега. В ночь на 23 сентября передовые подразделения полка уже были на западном берегу, захватили небольшой плацдарм, зарылись в землю и готовились к отражению возможных контратак противника. На рассвете противник обнаружил на плацдарме подразделения гвардейцев и, стремясь сбросить их в реку, несколько раз атаковал значительными силами пехоты и танков. Советские бойцы отразили все удары врага. В тот же день было переправлено на плацдарм несколько подразделений полка, хотя переправа еще обстреливалась из пулеметов с высот северо-западнее деревни Шутинки. Бой за плацдарм разгорался. Упорными контратаками, постоянными бомбоштурмовыми ударами авиации по переправе и войскам гитлеровцы рассчитывали не только не допустить расширения плацдарма, но и вообще ликвидировать его. Советское командование стремилось использовать захваченный плацдарм для нанесения глубокого удара в западном и северо-западном направлениях. Гитлеровское командование учло эту опасность и организовало сильную оборону в районе Букринской излучины. Эти противоположные стремления сторон вызвали ожесточенные бои на плацдарме. В упорной борьбе советские войска постепенно продвигались вперед. Плацдарм расширялся по фронту и вглубь. Скоро начали переправляться и другие соединения 40-й армии генерала Черняховского и 3-й гвардейской танковой армии генерала Рыбалко.

В октябре 1943 года Егор Константинович Лелюхин, находясь на передовой линии фронта, был тяжело ранен. Затем — около пяти месяцев лечения в госпитале и увольнение в запас по ранению.

В 1948 году Е.К. Лелюхин после окончания юридической школы был направлен по распределению в Приморский край в качестве следователя прокуратуры, где 36 лет отдал любимому делу, работая на разных должностях, в том числе прокурором Октябрьского, Ханкайского районов, города Находки и Советского района города Владивостока.

После выхода советских армий к Днепру продолжались ожесточенные бои за удержание и расширение плацдармов на его правом берегу. Особенно упорная борьба развернулась на Киевском направлении. Гитлеровцы придавали большое значение

усилению обороны Киева, потеря которого создавала угрозу их южной группировке и открывала Советской армии пути в западные и юго-западные районы Украины, а затем в Карпаты и Польшу.

6 ноября 1943 года в результате ожесточенных боев войска 1-го Украинского фронта овладели центром города, и над столицей Украины – Киевом взвилось Красное знамя.

Советский народ с огромной радостью встретил весть об освобождении Киева. Впервые за 778 дней немецко-фашистской оккупации все население вышло на улицы города. Киев был превращен гитлеровцами в руины. В г. Киеве фашисты замучили, расстреляли и отправили в душегубки более 195 тысяч человек. Свыше 100 тысяч человек, в основном девушек и юношей, было угнано на каторжные работы в Германию. За самоотверженность и мужество советских патриотов-воинов, рабочих, интеллигенции и всех граждан Киева столице Советской Украины было присвоено звание «Город-герой».

Храбро сражались наши коллеги, которые давно ушли из жизни, за освобождение Белоруссии, Украины, польских земель.

Леонид Михайлович Покровский в военные 1942–1943 годы был курсантом военно-политического училища. В 1943 году призван в армию. Участвовал в освобождении Украины, Белоруссии, дважды был ранен, после чего демобилизован. За боевые подвиги Леонид Михайлович был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» и другими.

В период с 1944 по 1947 годы обучался в машиностроительном техникуме, с 1947 по 1951 годы – в Алма-Атинском юридическом университете. По окончании его работал следователем, а затем прокурором в различных районах Приморского края.

Покровский Л.М.

Денисенко Н.А.

Николай Арсентьевич Денисенко с боями прошел путь от белорусских, украинских земель до Германии.

Советские войска, разгромив основные силы немецких захватчиков и выйдя к государственной границе СССР, достигли своих целей в борьбе за освобождение Белоруссии. В результате Белорусской операции были освобождены Белорусская ССР, часть Литовской и Латвийской ССР и восточные районы Польши.

За освобождение этих и других территорий мужественно сражался с фашистами Николай Арсентьевич Денисенко, авиационный механик на первом Белорусском, 2-м Украинском фронтах. Воевал в Польше и Германии. За героизм, проявленный в боях с немецко-фашистскими

захватчиками, награжден пятью советскими и семью польскими орденами и медалями.

Сытко В.П.

Живет память о долгих километрах войны, пройденных бывшим сержантом (ком. отделения) 194-й стрелковой Речицкой Краснознаменной дивизии **Василием Петровичем Сытко**, и о совершенных им героических подвигах.

Василий Петрович рассказывает: «Торжественный вечер, посвященный выпускникам средней школы № 1 г. Лесозаводска, состоявшийся в конце мая 1941 года, сохранился в памяти до сих пор. Нас в 10-м «Б» классе было 25 человек. На вечере веселились, мечтали о дальнейшем обучении. Я мечтал поступить в ДВПИ г. Владивостока на турбинно-строительный факультет — отделение машиностроения, куда вскоре и направил свои документы. Но грянула война. Все резко изменилось. Ввели карточную систему. Вместо учебы поступил на работу — инспектором в Шмаковскую инспектуру ЦСУ (нархозучет) в г. Лесозаводске.

В августе 1942 года был призван в Красную армию и направлен в учебный полк с. Князе-Волконка Хабаровского военного округа, откуда вместо учебы в составе взвода был командирован в с. Поярково Амурской области для заготовки сельхозпродуктов для части, где и пробыл до ноября 1942 года.

В середине декабря 1942 года часть солдат, в том числе и я, были обмундированы (полушубки, валенки, шапки-ушанки, меховые рукавицы) и с железнодорожной станции г. Хабаровска в грузовых вагонах эшелоном при тяге 2 дизелей «сергоорджоникидзе» без остановок отправлены на фронт.

На станции Алкино-2 (Башкирия) при инспекторской проверке часть солдат как неподготовленные к боевым действиям с эшелона были сняты, и нас, переодев в шинели 5-й категории, направили в учебный лагерь (в землянки) для обучения военному делу, где мы и пробыли до марта 1943 года. Затем нас вновь эшелоном направили на центральный фронт (Курско-Орловскую дугу). Там я в составе 460-го стрелкового полка 194-й стрелковой дивизии в звании сержанта (кап. отделения) прошел с тяжелыми боями в составе центрального, 2-го и 3-го Белорусских фронтов, освобождая Белоруссию, Польшу, участвовал в тяжелейшей битве на Курско-Орловской дуге, форсировании рек: Березина, Сож, Днепр; разгроме фашистских войск в Бобруйском котле; освобождении г. Речица, штурме и взятии Кенигсберга и форсировании залива Фриш-Гар в Балтийском море, где на косе Фриш-Нерунг под утро 9 мая 1945 года и закончилась для нас война. Фашисты выбросили белый флаг».

В боях Василий Петрович был дважды легко ранен, ограничивался перевязками санинструктора. Несколько раз засыпало землей от разрыва бомб и снарядов. Участвовал в рукопашных боях и схватках. В настоящее время имеет инвалидность 2-й группы. Награжден двумя орденами Отечественной войны, медалью «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и многими юбилейными медалями. В честь

65-й годовщины освобождения Белоруссии награжден медалью «За освобождение Белоруссии».

В апреле-мае 1947 года был демобилизован и вернулся в г. Лесозаводск, где в августе того же года поступил на учебу в Хабаровскую 2-годичную юридическую школу, после чего по приказу бывшего прокурора Приморского края т. Болдырева и начальника отдела кадров т. Нестерова был назначен народным следователем прокуратуры Тернейского района.

В 1952–1953 годах обучался на всесоюзных курсах прокуратуры в г. Харькове, а затем назначался прокурором в различных городах и районах Приморского края: Черниговском, Спасском, Октябрьском районах, г. Арсеньеве (1963–1973 гг.), г. Лесозаводске (1973–1975 гг.) и Анучинском районе (1975–1984 гг.).

В апреле 1984 года, отработав в прокуратуре края 34 года и 7 месяцев, в звании старшего советника по выслуге лет был уволен на пенсию.

11 апреля 2008 года Генеральный прокурор РФ Ю.Я. Чайка наградил В.П. Сыпко медалью «Ветеран прокуратуры РФ».

Советская армия в 1944 году, проведя ряд крупнейших наступательных операций, освободила родную землю от фашистских захватчиков. Преследуя отступавшие гитлеровские войска, Советская армия перешагнула рубежи СССР и устремилась на Запад. Наступательные операции последнего года войны, в которых участвовало около семи миллионов советских воинов, сыграли решающую роль в избавлении от фашистских оккупантов народов Австрии, Албании, Болгарии, Венгрии, Норвегии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии. Это был величайший интернациональный подвиг советского народа и его армии, который навсегда останется в памяти человечества.

Героически и отважно прошел свой боевой путь командир взвода группы «Центр» советских войск **Александр Федорович Бохан**, с первых дней войны участвовал в боях не только на советской земле, но и в Польше, Болгарии, Румынии, Австрии, Германии, выполнял свой интернациональный долг. За проявленное мужество, храбрость и отвагу 25 мая 1943 года он был награжден медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды. Свой боевой путь он закончил в 1947 году. После окончания войны также добросовестно, на высоком профессиональном уровне работал сначала следователем Черниговского района в прокуратуре Приморского края, а затем прокурором Пожарского, Черниговского районов и г. Находки.

Бохан А.Ф. с другом

Бохан А.Ф.

Никогда не будут забыты боевые подвиги **Павла Алексеевича Полянского**, который по окончании Кемеровского пехотного училища был направлен в действующую

Полянский П.А.

После окончания Воронежского училища связи в июле 1943 года был направлен на Юго-Западный фронт в 4-ю отдельную понтонную мостовую бригаду в качестве радиста. В составе этой бригады принимал участие во всех боевых операциях. Затем — 3-й Украинский, 2-й и 3-й Белорусский фронты. В тяжелейших условиях, теряя друзей, с боями освобождал украинские и белорусские земли от немецких захватчиков и гнал их все дальше и дальше на запад. За участие в боях и проявленный героизм Евгений Иванович был награжден медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга» и «За взятие Германии». После победы над германским фашизмом работал следователем прокуратуры Ханкайского района Приморского края, а затем — прокурором Шкотовского района.

Почти четырехлетняя напряженная война с гитлеровской Германией завершилась Берлинской операцией. Советские войска разгромили крупную вражескую группировку, и 30 апреля 1945 года сержант М.А. Егоров и младший сержант М.В. Кантария водрузили Знамя Победы над главным куполом рейхстага.

Борьба за Берлин шла не на жизнь, а на смерть. Из Москвы, из городов-героев Сталинграда, Ленинграда, с Украины и Белоруссии, из Прибалтики, республик Закавказья и других пришли сюда люди, чтобы завершить справедливую войну с теми, кто посягнул на свободу их Родины. У многих из них не зарубцевались раны, полученные в прошлых боях. Раненые не покидали строя. Все стремились вперед, будто и не было четырех лет войны. Все воспрянули духом, их мечта сбылась. Знамя Победы было водружено и развевалось над рейхстагом. Солдаты, сержанты, офицеры, генералы показали себя в Берлинской операции отчаянно смелыми людьми.

По воспоминаниям маршала Г.К. Жукова, «рано утром 1-го мая 1945 года... позвонил генерал В.И. Чуйков и доложил, что начальник генерального штаба германских

армию 2-го Украинского фронта, где служил командиром стрелковой роты 5-й воздушно-десантной дивизии 11-го стрелкового полка, а затем в центральной группе войск.

В 1943 году он был награжден орденом Славы III степени. А в боях под свист снарядов освобождал Будапешт, Вену и Германию, в мае 1945 года был награжден медалями за взятие этих городов. По окончании войны до 1946 года продолжал служить в Советской армии. А с 1958 года — служба в прокуратуре Приморского края, сначала следователем Владивостокской транспортной прокуратуры, затем прокуратуры Фрунзенского района, и как один из лучших следователей был назначен прокурором Кировского района.

Евгений Иванович Борисов по-

сле окончания Воронежского учи-

Борисов Е.И.

сухопутных войск генерал пехоты Кребс сообщил ему о самоубийстве Гитлера и проведении мирных переговоров между державами».

Данное сообщение тут же было передано И.В. Сталину, который сказал Г.К. Жукову: «Передайте Соколовскому – никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции».

И в 00 часов 43 минуты 1945 года был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии, потерпевшей политическое, военное и экономическое поражение.

24 июня 1945 года в Москве на Красной площади в ознаменование победы над Германией в Великой Отечественной войне был проведен парад войск Действующей армии, Военно-морского флота и Московского гарнизона. По поручению Главнокомандующего И.В. Сталина принимал парад Победы Г.К. Жуков, а командовал К.К. Рокоссовский.

Наступил тот день, которого так ждал народ Советского Союза. Под командованием своих прославленных командиров он прошел тяжелый боевой путь и закончил его блистательной победой в Берлине.

Ковал победу в боях с немецко-фашистскими захватчиками, проявляя мужество, стойкость и самоотверженность **Николай Александрович Баженов**, который в 1940–1943 годах служил в действующих частях Вооруженных Сил СССР, участвовал в боях. Был тяжело ранен под городом Изюмом, длительное время находился на лечении. После окончания Горьковского филиала ВЮЗИ работал на различных должностях в прокуратурах Горьковской области, Узбекской ССР, Чувашской АССР и в Приморском крае в должности прокурора края.

Баженов Н.А.

Николай Алексеевич Круголь в 1940 году был призван в ряды Советской армии. По окончании в 1942 году Серпуховской школы авиамехаников был направлен в авиабригаду погранвойск в качестве авиамеханика. Участвовал в боевых сражениях с гитлеровцами и японцами. За храбрость и мужество был награжден медалями за победу над Германией и Японией.

После демобилизации из армии работал на протяжении 28 лет в разных районных прокуратурах Приморского края следователем, был лучшим следователем прокуратуры края.

Не менее яркие боевые заслуги **Петра Тарасовича Кондратенко, Владимира Дмитриевича Кузнецова, Василия Афанасьевича Алексева, Василия Ивановича Филиппова, Григория Андреевича Горбунова, Виктора Семеновича Михайлова, Ивана Ивано-**

Кондратенко П.Т.

Круголь Н.А.

Михайлов В.С.

Яковец И.И.

Конник Н.П.

вича Яковца, Николая Кирилловича Кривдюка, Николая Прокопьевича Конника.

Боевыми орденами и медалями были отмечены ратные подвиги наших воинов, работавших после победы в Великой Отечественной войне на разных участках в прокуратуре Приморского края.

Один из них – **Сергей Владимирович Быков.** Он вспоминает: «1-го июня 1942 года мне исполнилось 18 лет. И в этот день был вы-

Быков С.В.

пускной вечер в школе, по случаю окончания 10 классов. А второго июня я получил повестку из военкомата о призыве меня в Красную армию.

Я был направлен в Серпуховское авиа-техническое училище, которое в то время находилось в гор. Кызыл-Орда Казахской ССР.

Многие юноши того времени, замороженные подвигами летчика-испытателя Валерия Чкалова, мечтали об авиации. Хотя это было и не летное училище, а техническое, я испытывал удовлетворение и гордость от сознания того, что буду обслуживать самолеты, что, в свою очередь, определяло значимость моих действий в предстоящих событиях.

Месяца через три это училище расформировали. Значительную часть курсантов направили на фронт, а имеющие среднее образование, среди которых оказался и я, были направлены в Ташкентское авиаучилище стрелков-бомбардиров, которое базировалось в гор. Чирчик Узбекской ССР.

Сознание того, что мне улыбается перспектива летать, духовно окрыляло. Но недолго длилась эта душевная эйфория. Месяца через полтора всех прибывших в это училище подвергли повторной медицинской комиссии на предмет пригодности здоровья для службы в летной авиации.

К моему глубокому огорчению, меня отчислили из училища по состоянию здоровья. Оказалось, что от 7-8 оборотов в крутящемся кресле у меня кружится голова и я теряю ориентацию в пространстве и координацию движений. Вывод – мой вестибулярный аппарат – это слагбаум в летную авиацию.

Чтобы я не испытывал больше никакой эйфории, меня опустили на землю и направили в матушку-пехоту – в Ташкентское пулеметное училище, которое находилось по соседству с вышеупомянутым авиаучилищем, а в октябре 1942 года оно было передислоцировано в г. Термез Узбекской ССР.

Город Термез, расположенный в 3–5 километрах от границы с Афганистаном, имел вид, характерный для крепостей в прошлом, что подтверждалось как наличием высоких и широких стен в ряде мест на окраине города, так и сооружениями внутри города.

В пулеметном училище готовили командиров пулеметных взводов на базе станкового пулемета «максим». Это устаревшее, громоздкое и сложное по устройству ору-

дие с водяным охлаждением ствола пулемета. Вес такого пулемета в собранном виде составлял более 30 килограммов.

Большие физические нагрузки, сильная жара летом создавали тяжелые условия для службы и учебы в училище.

Стрельбище училища находилось в нескольких километрах от города, на нем отработывались боевые стрельбы из пулемета, винтовок и метание боевых гранат.

При движении на стрельбище нам часто устраивали марш-броски с полной боевой выкладкой. Когда у тебя на горбу станок пулемета весом более пуда и температура воздуха в тени зашкаливает за 35 градусов, а на солнце, кажется, все сто, то приходится прилагать невероятные усилия, чтобы не свалиться с ног.

Были случаи, когда курсанты от тепловых ударов падали в обморок. Таких бедолаг укладывали на сопровождавшую нас санитарную повозку и оказывали медпомощь. Гимнастерка во время таких марш-бросков была мокрая от пота, и если её высушить на солнце, она принимала белесый вид от высохшей соли и упругость, характерную для белья, высушенного на морозе.

Во всех училищах, в которых мне довелось побывать, дедовщиной и не пахло тогда. В нашем взводе были представители всех среднеазиатских республик, украинцы, белорусы, ингуши, русские со всех уголков России. Был даже бухарский еврей по фамилии Сиянов. Каких-либо недоразумений на национальной почве или неприязни друг к другу никогда не было.

Более того, я помню, как во время перекуров в свободное время русские ребята просили представителей других национальностей рассказать об их обычаях и традициях в быту. Те охотно соглашались. В ходе таких рассказов я ни разу не слышал от слушающих каких-либо неуважительных реплик или замечаний в адрес повествования рассказчика. Были только возгласы удивления или одобрения услышанного.

Во время пребывания в пулеметном училище месяца через три мне присвоили звание старшего сержанта, и я был назначен помощником командира взвода. Выполнение обязанностей помощника командира взвода было хорошей практикой работы с подчиненными с учетом их характеров и всех специфических условий армейской жизни.

В октябре 1943 года учеба в училище была закончена. Всем курсантам было присвоено звание младшего лейтенанта, а и они, в том числе и я, были направлены в действующую армию – на фронт.

На фронт ехали в товарных вагонах на нарах в два этажа. Запомнились станции, через которые проезжали: на Украине – Лозовая, Волноваха, Полтава, Мелитополь. При приближении к линии фронта на проселочных дорогах, идущих параллельно железной дороге, в дневное время были видны трупы убитых солдат.

Уже в непосредственной близости от прифронтовой полосы под вечер над эшелоном появился немецкий самолет. Поезд резко затормозил, подавая гудки, раздалась команда «воздух», и люди, как горох, посыпались из вагонов, ища убежище в складках и ямках земли, вжимаясь в неё возможно плотнее, интуитивно чувствуя, что только она может укрыть и спасти от смерти.

Когда стали падать бомбы вдоль эшелона, в непосредственной близости от меня рвануло и на меня посыпались комья земли, а там еще со свистом летела другая бомба, и казалось, что она непременно угодит прямо в темечко, которое ты интуитивно прикрыл ладонями, как будто они могли защитить от этой бомбы, в это время душа моя от страха переместилась со своего штатного места в сторону пяток и находилась там, пока не прекратилась бомбежка.

Сколько длилась эта бомбежка, сказать трудно, но казалось, что смерть долго витала у меня над головой. И когда это кончилось, появилось чувство облегчения и радости, что ты остался жив и невредим. Не каждый испытал такое чувство облегчения, как я. Были раненые и убитые.

Особенно я был поражен, когда на дне воронки от бомбы увидел кисть руки, на которой была знакомая мне наколка «Коля». Я узнал её и понял, что убит Николай, сосед по кровати в училище, а это то, что от него осталось. Понимаешь, что Коли нет, он убит, что это – свершившийся факт, и в то же время не верится, что его уже нет, кажется, что это какое-то наваждение и что пройдет немного времени – и все станет на свое место и будет так, как было до этого факта.

На какой конечной станции выгружались, не помню. Не помню и в какой населенный пункт добрались своим ходом.

Запомнилось, что прибывших построили, перед строем появился командир 671-го стрелкового полка майор Фурманов и стал обходить строй, спрашивая у каждого, принимал ли он ранее участие в боевых действиях.

Затем состоялось распределение по батальонам, ротам и взводам. Меня направили в пулеметную роту второго батальона этого полка командиром второго пулеметного взвода.

После пополнения полка личным составом полк в срочном порядке был переброшен на один из участков фронта для укрепления второй линии обороны. За неделю изнурительной работы днем и ночью были вырыты окопы в мерзлой земле и подготовлены позиции для пулеметов.

Когда положение на этом участке фронта стабилизировалось, наш полк перебросили на другой участок, где мы ночью, непосредственно на передовой, сменили другую часть, которую направили на пополнение и переформирование.

Линия обороны, которую занимал наш батальон, проходила недалеко от станции Липовец, и в тылу у нас оставалась железная дорога, идущая к станции. С рассветом немцы стали обстреливать наши позиции из минометов. Окопы были мелкими, и в них можно было передвигаться практически на четвереньках, поэтому работы по углублению окопов и обустройству пулеметных гнезд в срочном порядке проводились в основном в ночное время.

Активных боевых действий на этом участке фронта не было. Периодически то они нас обстреляют из минометов и орудий, то мы их обстреляем. Была такая позиционная война. Постреливали снайперы.

Пользуясь затишьем в боевых действиях, мы усиленно укрепляли свои огневые позиции. Строили блиндажи, благо, рядом находился лес. Одним словом, постигали азбуку фронтовой жизни и готовились к возможным попыткам немцев прорвать

оборону на нашем участке фронта, о чем говорил наш командир батальона. И в подтверждение сказанного он ссылался на тот факт, что над нашими позициями стали часто летать немецкие самолеты на небольшой высоте.

В связи с этим родилась идея обстрелять самолет из пулемета. Нашли ось с колесом от разбитой телеги, соорудили углубленную ячейку для пулемета, вкопали ось с колесом, установили на колесе пулемет так, чтобы он не маячил выше бруствера окопа, снарядили ленты бронебойно-зажигательными патронами и стали ждать.

Дня через два, услышав шум самолета, я быстро бросился к нашей установке. Самолет летел на высоте примерно 300—400 метров. Взяв упреждение побольше, я дал длинную очередь с расчетом, что самолет напорется на пулеметную очередь. Самолет резко изменил направление и стал удаляться в сторону немецких позиций, плавно снижаясь.

Нам показалось, что за самолетом потянулся легкий дымок, но резкого изменения высоты не было в той стороне, куда летел самолет, так и не прогремел взрыв.

Над нашими позициями спустя дней десять вновь появился самолет, но уже на значительной высоте, и вести огонь по нему не имело никакого смысла.

Мы усиленно продолжали укреплять свои позиции. Капитально углубились в землю, выкопали ходы сообщения, подготовили запасные позиции. По всем ориентирам и опасным направлениям была произведена пристрелка. В землянках даже ставили печурки, приспособив для этой цели различные металлические емкости. Поэтому сковырнуть или прорвать нашу оборону было не так-то просто.

Где-то в конце февраля 1944 года на рассвете после обстрела орудийным и минометным огнем немцы атаковали наши позиции, но после непродолжительного боя, понеся значительные потери от массированного огня обороны, отступили. В этом бою, когда ранило двух бойцов пулеметного расчета, мне пришлось самому из пулемета вести огонь по наступающим. По утверждению комбата, противник осуществлял разведку боем...

На Украине зимы не очень холодные, часто бывают оттепели. Ночью мороз, а днем, если пригреет солнышко, начинает таять снег, и в окопах образуется грязь. От длительного пребывания в грязи обувь промокает, портянки становятся сырыми и ноги начинают мерзнуть. Солдатская находчивость подсказала — обзаводись второй парой портянок. Сырую пару портянок для сушки наматываешь на икры ног поверх одежды (через 4—5 часов она высыхает), а сухую пару наматываешь на ступни. Таким образом, за сутки раза 2—3 меняешь их местами.

Из-за длительного пребывания в антисанитарных условиях окопной жизни (месяцами не раздеваясь, не моясь, не меняя белья и всегда находясь в контакте с землей) заводились вши.

Их было так много, что они были не только в нижнем белье, но и в верхнем. Особую активность они проявляли, когда ты с мороза заваливался в теплую землянку.

Эффективным способом их уничтожения была такая процедура. Сняв с себя белье, в рубцах и швах которого сосредоточились паразиты для атаки на твое брненное тело, приложив рубец или шов белья к углу раскаленной печурки, протягиваешь его из конца в конец под треск лопающихся от высокой температуры вшей.

Таким образом, прострочив швы и рубцы своей одежды, ты на несколько дней избавлялся от паразитов.

С другой стороны, казалось бы, при том холоде, сырости и других «прелестях» окопной жизни неминуемо должны были царствовать простудные заболевания. Но как ни странно, ни я, ни другие, насколько мне помнится, не чихали, не кашляли и не болели ОРЗ.

В последних числах марта я и еще несколько младших офицеров нашей дивизии были направлены на курсы усовершенствования офицерского состава, которые находились при курсах младших лейтенантов 1-го украинского фронта и дислоцировались на тот момент в г. Киеве.

Поскольку эти курсы были детищем 1-го Украинского фронта, то их местонахождение постоянно менялось, так как они все время следовали за фронтом. Из Киева курсы перебазировались в г. Славута Ровенской области, потом в г. Рава-Русская (Западная Украина), затем в поселок Соколув (Польша) и наконец в г. Лигниц (Германия).

Передвигались на своих двоих. Таким образом протопали всю Польшу с востока на запад. За один переход преодолевали расстояние в 30–40 км. «Матушка-пехота, 100 км пройдешь и еще охота».

Я убедился, что можно 1–2 минуты спать на ходу, если в это время будешь держаться за какой-либо транспорт, например телегу,двигающуюся со скоростью пешехода.

Военный городок в г. Славуте, куда перекочевали курсы, однажды ночью подвергся бомбежке авиацией противника. Потерь личного состава не было, т.к. по сигналу «воздушная тревога» успели укрыться в щелях, заранее вырытых на такой случай.

В августе 1944 года по окончании учебы на курсах и после присвоения мне звания «лейтенант» я был назначен командиром учебного взвода курсов младших лейтенантов 1-го Украинского фронта.

В апреле 1945 года учеба была закончена. Курсантам было присвоено звание младшего лейтенанта, и они получили назначение в действующую армию.

2 мая 1945 года я был командирован для сопровождения уже младших лейтенантов своего взвода с документами в штаб одной из дивизий фронта, находившейся недалеко от Берлина, который был уже взят нашими войсками. Сдав по назначению личный состав с документами с чувством горечи от расставания со сдружившимися по службе людьми, я тепло попрощался с каждым с пожеланиями не забывать армейскую лямку. До сих пор помню многих выпускников своего взвода – младших лейтенантов: Голикова, Кузьмичева, Хабибуллина, Гуляева, Киреева, Сотникова и др.

Располагая двумя сутками оставшегося командировочного времени, я решил посетить Берлин. На попутных машинах через несколько часов я добрался до Берлина. Город выглядел удручающе, здания – сильно разрушены. Жителей на улицах было мало. Там, где действовали водоразборные колонки, были очень большие очереди из стоящих с ведрами.

В первую очередь решил обзреть главную достопримечательность Берлина – рейхстаг.

Около рейхстага было много солдат и офицеров, которые фотографировались на его фоне и оставляли свои автографы на стенах и колоннах здания при помощи об-

угленных головешек. Я тоже, следуя их примеру, оставил свой автограф на изрядно исписанной стене.

Побывал у Бранденбургских ворот.

Некоторые солдаты и офицеры, пребывая в подпитии и при себе имея бутылки с вином, при встрече предлагали выпить за Победу. Отказаться выпить за Победу было просто грешно. На вопрос, где отоварились вином, говорили, что на винных складах.

На следующий день, покинув Берлин, я направился в г. Дрезден, который был по пути в мою часть. Дрезден представлял собой жалкую картину. Всюду сплошные развалины, и редко встречались кварталы, где уцелело бы 2–3 здания. Побродив вдоль набережной реки Эльбы, на попутках добрался до г. Лигниц, где и отрапортовал начальству о выполнении задания.

После ликвидации курсов младших лейтенантов 1-го Украинского фронта в связи с окончанием войны меня направили в запасной полк центральной группы войск, который находился на территории Австрии. После непродолжительного пребывания в запасном полку получил назначение в 85-й гвардейский тяжело-танковый самоходный полк на должность командира взвода автоматчиков.

Полк находился в небольшом городе Брук-лайта километрах в 50 к западу от города Вены.

В апреле 1946 года меня назначили командиром роты автоматчиков. Летом 1946 года полк, в котором я служил, из Австрии передислоцировали на Родину, в город Гайсин Винницкой области.

Весной 1947 года я был демобилизован из Вооруженных Сил СССР».

В 1951 году Сергей Владимирович окончил Алма-Атинский государственный юридический институт и в порядке распределения был направлен на работу в прокуратуру Приморского края.

За период нахождения на военном учете как офицера запаса в 1967 году ему было присвоено звание старшего лейтенанта, в 1975 году – капитана, а в апреле 2000 года – майора.

Отгремели залпы победных салютов в честь разгрома армий германского фашизма. Однако с разгромом гитлеровской Германии Вторая мировая война прекратилась только в Европе. Милитаристская Япония не извлекла уроков из поражения фашистской Германии и продолжала войну на Тихом океане, на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, принося неисчислимые бедствия народам десятка стран.

Советский Союз, выполняя союзнические обязательства, а также в целях обеспечения безопасности своих дальневосточных границ и ликвидации очага агрессии в Азии, вступил в войну против империалистической Японии.

Японский милитаризм должен был разделить судьбу других участников фашистского блока. В течение 23 суток Советские Вооруженные Силы наголову разбили миллионную квантунскую армию – самую беспощадную и сильную группировку японских сухопутных войск. Освободили Северо-Восточный Китай, Северную Корею, Южный Сахалин, Курильские острова. Враг потерял во время боев больше 667 тысяч солдат и офицеров. В этих условиях японское правительство признало дальней-

шее сопротивление бессмысленным. 2 сентября 1945 года Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции.

Внесли свой вклад в разгром квантунской армии многие наши прокурорские работники, некоторых из них нет уже в живых.

Бурик И.Ф.

Илья Федорович Бурик по окончании школы в 1942 году поступил учиться в ДВПИ во Владивостоке. Он рассказывает: «Шла война. Обстановка была непростая. Каждый день нас в группе становилось все меньше и меньше, а когда разобрались, то оказалось, что тех, кто не пришел на занятия, призвали в армию. И вот я решил съездить домой и посоветоваться с родителями, как дальше быть. Но когда появился дома, то увидел повестку из военкомата, что должен явиться в райвоенкомат 18 декабря 1942 года для призыва в армию.

Так я оказался призывником и был направлен в военную школу по подготовке снайперов для фронта. Оказалось, что весь первый набор в эту школу был из Приморья. Позже я узнал, что из десяти парней, проживавших со мной в одной комнате, в армию было призвано 8 человек. Учеба давалась мне легко, уже к 23 февраля 1943 г. мне было присвоено звание младшего сержанта, и я был назначен командиром отделения. Но долго ходить мне в этом звании не пришлось. 1 апреля 1943 г. мне было присвоено звание сержанта, и я был назначен помощником командира роты по политчасти. Вот так началась моя военная служба. С июня 1943 г. и до конца службы я избирался секретарем комсомольских организаций роты, батальона и полка.

В начале 1945 г. школа снайперов была расформирована, и на ее базе был создан 614-й стрелковый полк 396-й дивизии. В этой части я служил сначала командиром отделения. В ее составе участвовал в боях против японских милитаристов в Маньчжурии.

Мне неоднократно приходилось слышать, что в Маньчжурии не было постоянной войны. Я считаю, что такое мнение явно неправильно. Там была настоящая война. Лично мне приходилось участвовать в рукопашных схватках с японскими солдатами в их окопах, находиться под их жестоким огнем. Был свидетелем конца жизни многих. В нашей роте из 114 солдат и офицеров после первого боя осталось 42, остальные были убиты или ранены.

Там, в Маньчжурии прямо в окопах меня избрали секретарем бюро ВЛКСМ батальона. И с тех пор я находился на офицерской должности. За активное участие в боях меня наградили медалью «За отвагу».

И вот в феврале 1950 г. состоялась комсомольская конференция 435-го полка КВ МВД, которая заслушала мой отчет о работе комсомольского бюро части. И когда счетная комиссия подводила итоги голосования и меня снова уговорили продолжить службу в должности секретаря бюро ВЛКСМ полка, вдруг заговорил командир пол-

ка. Он сообщил, что сейчас принесли телеграмму о демобилизации из армии военнослужащих моего года рождения.

Ясное дело, все кричали «ура», вместе с ними также кричал и я. Но для меня это оказалось рановато.

Сразу же после конференции меня пригласили в кабинет командира полка и стали уговаривать остаться служить свежурочно. К такому разговору я не был готов, был под впечатлением этой новости и сказал, что о своем решении я скажу завтра. А завтра я сказал, что буду демобилизовываться. Дело в том, что мне шел уже 25 год, а образования и специальности у меня не было. Я понимал, что в ДВПИ мне уже поступать не придется, т.к. прошло 7 лет и 4 месяца после призыва в армию, и нужно решать, что делать дальше, т.к. в армии служить я уже не хотел. Спор был долгим, но я все-таки остался при своем мнении и был демобилизован. И вот, когда ехал в поезде, встретил знакомого офицера из другой части нашей дивизии. Он мне посоветовал идти учиться в Иркутскую юридическую школу. И вот тогда я вспомнил, что средняя юридическая школа есть и в Хабаровске, и у меня возникла мысль поступить учиться в нее. Своими планами по приезду домой я поделился с родителями. Они поддержали мое решение.

Сдав вступительные экзамены, я оказался студентом Хабаровской юридической школы, которую окончил в 1952 г. с отличием.

Работал на различных должностях в прокуратурах Хабаровского края, Амурской области, Приморского края».

Иван Филиппович Балабай в ноябре 1944 года был призван в ряды Советской армии. Служил в 99-м стрелковом полку 33-й Муромской Западной стрелковой дивизии Московского военного округа курсантом учебного батальона. В июне 1943 года в составе маршевой роты был направлен на Забайкальский фронт. Командир пулеметного расчета, форсировал Ханкайский перевал, прошел с боями через Монголию, дописав свою боевую биографию в Порт-Артуре.

Балабай И.Ф.

Евгений Тимофеевич Юринов участвовал в войне с Японией, награжден медалью «За победу над Японией».

Коваленко Л.Ф.

Леонард Федорович Коваленко

пробивался к победе через Манчжурские сопки.

«Когда война началась, 22 июня 1941 года, мне было 16 лет, я учился в 9 классе 27-й средней школы г. Владивостока на мысе Чуркин.

О том, что она будет, что фашисты нападут на нашу страну, знали все и к ней готовились.

В школах работали специальные кружки, где мы обучались, тренировались и сдавали нормы по физической и военной подготовке на значки БГТО (будь готов к труду и обороне). Были нормы для получения значка «Ворошиловский

стрелок» и др. При военкоматах мы проходили обязательную допризывную подготовку: умели стрелять, рыть окопы, колоть штыком, ходить в строю. Одним словом, имели уже все необходимые солдатские навыки.

Утром 22 июня 1941 года, переезжая через бухту «Золотой Рог» на Чуркин, я услышал, что началась война.

В этот день по радио все услышали выступление председателя С.Н.К. СССР (С.М. СССР) В.М. Молотова, который осудил агрессию Германии. В конце выступления он сказал: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!»

Советских людей война не испугала. Около военкоматов были толпы людей, желающих ехать на фронт добровольцами. Я ходил в школу мимо военкомата и видел это.

К тому времени я получил уведомление из Ульяновского танкового училища и летом 1942 года уехал в училище. В пути, особенно в Уфе, я почувствовал дыхание войны. Вокзалы и привокзальные площади были полны семей эвакуированных из захваченных врагом областей. На фронт и обратно шли эшелоны военной техники, везли раненых.

Я забирался на платформы, на которых стояли подбитые немецкие танки, самоходки, пушки. Приятно было прикасаться к пробоинам на броне, ведь это наши сделали пробоины. До Сталинградской битвы никто не знал, даже Сталин, одолеем ли мы врага (об этом написал маршал Жуков в своих «Воспоминаниях»), и такие поезда утешали не только меня.

Период войны в 1942 году был критическим. В Москве было введено осадное положение. Специально созданные заградительные отряды жестко пресекали случаи панического бегства из Москвы ответственных лиц. Во Владивостоке можно было встретить надписи: «Паникеров под суд!».

На Д.К.А.Ф. (дом Красной армии и флота) висела карта во всю стену с обозначением линии фронта. По мере приближения этой линии к Москве карта была снята.

В городе оборудовались бомбоубежища, а тех, кто жил в домах частного сектора, обязывали рыть убежища около домов, их называли «щелями». Такое убежище метров пять в длину я вырыл около своего дома по разметке военных лиц.

Призыв «Все для фронта, все для победы над врагом!» действовал на всех патриотически.

Мужчин, ушедших на фронт, заменяли их жены, а женщин – дети. Все старшеклассники нашей школы работали на предприятиях в свободное от уроков время и летом.

Я с товарищами работал на лакобаночной фабрике, которая находилась около школы, сейчас там радиозавод.

Моя жена Ольга Максимовна работала от училища на военном заводе в г. Комсомольске-на-Амуре. В свои 14 лет, чтобы доставать до токарного станка, подставляла ящик под ноги, точила болты, гайки.

Я сдал документы в училище и стал ждать. Но там уже все изменилось. Около училища на лужайке отдыхали с фронта ребята, некоторые с ранениями: танкисты, трактористы, шоферы. За шестимесячный срок их готовили как командиров тяжелых танков, а мне за такой срок не исполнилось бы и 18 лет. Они удивлялись, откуда я

приехал, и ругали меня, говорили: «Мотай домой». Потом кто-то, не помню, предложил мне сдавать вступительные экзамены за тех фронтовых ребят, которые не имели достаточных знаний. Я брал их документы и сдавал за них, и никто из комиссии меня не выгонял с экзаменов, хотя на мне была гражданская одежда.

По возрасту меня в училище не приняли, но до Владивостока мне выдали воинский билет и продовольственный аттестат, видимо, за мои «заслуги» на экзаменах. Одним словом, добровольца из меня не получилось.

Осенью 1942 года я пошел в школу, в 10-й класс, а в декабре был призван в армию, хотя мне тогда не было 18 лет.

Так началась моя солдатская служба, вначале под Благовещенском, потом на границе в Амурской области, Хабаровском крае, в Маньчжурии, на Курильских островах во время войны с Японией и на Камчатке.

Везде японцы вели себя по-хамски, переезжали реку Уссури и рубили у нас лес, рыбачили. А у нас строгий приказ: не поддаваться на их провокации.

В 1942–1944 годах солдатская жизнь была тяжелой, особенно в снайперском училище под Благовещенском. Кормили по третьей норме – это голодная норма. На стрельбах у костров грелись и прожигали ботинки, их на год не хватало, других не давали. Лето и осень босиком маршировали человек 5–10 в роте. Зимой бани были холодные, по углам лед, чистое белье на морозе не успевало просыхать, стояло колом, одевали, досыхало на теле.

Лишь перед войной с Японией в 1945 г. стали кормить по девятой норме, это сытая норма.

Когда 9 августа 1945 г. объявили Японии войну, мы уже с боем высаживались на берег китайской реки Сунгари, приток Амура, возле города Тунизян.

Наша часть стала с боями продвигаться вдоль р. Сунгари в сторону Харбина, захватив города Фуцзинь, Цзямусы и др.

Японцы – вояки хорошие, но вооружены были плохо. У нас у всех автоматы, у них винтовки, а автоматов я не видел.

Наши П.Т.Р. (противотанковое ружье) пробивали лобовую броню их танков. В воздухе самолеты были только наши.

Японцы придавали большое значение смертникам. Однажды на подступах к одному населенному пункту нашу роту с вышки стал обстреливать пулемет. Мы несли потери, пока эту вышку не своротил наш танк. Там находился смертник, прикованный цепью. Приходилось мне видеть их смертников, уничтоживших наши танки. Взрывное устройство у них крепилось на спине, когда он бросался под танк, оно взрывалось.

Но против наших «катюш», танков и другой техники Квантунская армия устоять не могла, она спешно отступала, не успевая даже подбирать убитых. Стояла страшная жара, но взять воду было негде, везде лежали трупы японских солдат.

Дороги, по которым мне пришлось шагать по Маньчжурии, грунтовые. Война их разбила, и в низменных местах мы пушки, машины вытаскивали из грязи на своих плечах. В китайских селах на улицах стояли рядами деревянные посудины с чистой

питьевой водой. Но брать воду у них нам запрещалось, были случаи отравления. Кистайцы восторженно нас встречали, кричали нам: «Рус шанго» (Русские хорошо).

Я не дошагал до Харбина, нашу часть повернули обратно и из порта Ванино перебросили на Курильские острова.

Под покровом ночи мы высадились на самый близкий к мысу Камчатки остров, где был японский гарнизон. Но он после короткого боя сдался, т.к. с моря нас поддерживал огнем из орудий наш корабль.

Я храню фотографию генерала Гречко, командовавшего захватом Курильских островов, за что ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Мы все были награждены медалями «За победу над Японией».

Так закончилась и для меня долгая, подчас холодная, подчас голодная, жестокая, но победная Великая Отечественная война.

Зимовать нас перебросили на Камчатку, где недалеко от г. Петропавловска-Камчатского мы начали строить казармы, живя в землянках. Крыть казармы было нечем, большие пустые банки из-под американской тушенки мы разрезали, соединяли в листы и ими крыли часть казарм, а часть – финской стружкой. Мне «везло», т.к. всегда определяли на лесозаготовки. Пилили лес для казарм, строгали из ольхи эту стружку около пос. Паратунька. Сейчас там курорт, горячие источники, а в то время был деревянный сруб примерно 10x10 м, наполненный очень теплой водой от горячих ключей. Зимой мы отогревались там. А зимы на Камчатке очень снежные. Бураны длились несколько дней, казармы заметало снегом. В столовую и в штаб ходили по натянутым канатам.

В солдатских буднях на Камчатке прошла моя служба до июня 1950 года. Нас не демобилизовывали, т.к. американцы вынашивали план отобрать у нас Курилы. Демобилизовался в звании старшего сержанта по должности ст. разведчик.

Получилось, что я отдал Родине самое лучшее время своей жизни, семь с половиной лет.

В Хабаровске окончил юридическую школу и, учась во ВЮЗИ, стал работать во Владивостоке следователем, помощником прокурора Ворошиловского (Первомайского) района. С 1956 года – прокурором, вначале Владивостокско-сельского (Надеждинского) района, а потом – Анучинского, Яковлевского, Красноармейского районов.

В 1974 году стал работать в Уссурийске зампрокурора города, а последние 10 лет – Уссурийским транспортным прокурором, до ухода на пенсию в 1989 году.

В общей сложности в органах прокуратуры я проработал 37 лет. Работу свою я очень любил, особенно следствие. В сельских районах часто приходилось работать и за следователя.

За период работы только от Генерального прокурора я получил 6 благодарностей, премий, в том числе и за личное расследование уголовных дел о тяжких преступлениях.

С благодарностью я вспоминаю своих руководителей, настоящих профессионалов, людей чутких и отзывчивых, – прокуроров края Ф.Д. Каноненко, Н.А. Баженова, М.И. Гужавина, В.К. Комарова, И.Ф. Бурика.

Синеокий Н.С.

Вся моя жизнь прошла в армии и в Приморской прокуратуре. И сейчас, в конце своей жизни, оглядываясь назад, я доволен, что она так сложилась. Мои руки и совесть всегда были чисты. Я всегда был верен присяге, закону».

По этому маршруту был проложен и путь **Алексея Ивановича Семенова, Николая Степановича Синеокого, Николая Алексеевича Круголь,** обеспечивающих безопасную работу истребителей, громивших врага в воздухе.

Семенов А.И.

Стругов Н.Г.

В разгроме японского милитаризма участвовали **Иван Сергеевич Федотов, Николай Дмитриевич Сиваков, Николай Григорьевич Стругов, Николай Прокопьевич Конник, Алексей Константинович Кузнецов.**

Вместе с ними бок о бок сражались и женщины. Примером могут служить воспоминания **Екатерины Ефимовны Леоновой.**

«Когда началась война, я проживала в г. Дальнереченске Приморского края, где училась в

Леонова Е.Е.

школе.

Летом 1941 года в школе были каникулы. Весть о начале войны, конечно, очень взволновала меня, но все же была уверенность, что это ненадолго, где-то через 2–3 месяца все закончится.

В сентябре мы все сели за парты. Начался учебный год. Я тогда училась в 10 классе, все были встревожены. Мы уже поняли, какая опасность нависла над нашей страной. Кажется, все в нашем классе сразу повзрослели. В школу иногда заходили люди в военной одежде, а на следующий день кто-либо из мальчишек не являлся на уроки. Вскоре в классе остались одни девочки.

Весной в апреле 1942 года меня пригласили в горком комсомола, где произошел серьезный разговор, и мне дали пару дней на сборы, назначив срок явки в горвоенкомат.

По распределению меня направили в полковую школу. После учебы выдали удостоверение с записью: «По своим знаниям достаивается звания младшего командира РККА». И я была направлена в войсковую часть – в полевую почту в пулеметную роту при артиллерийском дивизионе противовоздушной обороны 398 ОЗАД ПВО (отдельный зенитно-артиллерийский дивизион противовоздушной обороны).

Начались мрачные, суровые дни несения службы. Охраняя воздушное пространство, стояли на посту днем и ночью. Так как мы были зенитчиками, для нас боевой

*Леонова Е.Е., Михайлюк Т.А.,
Совгир Л.А.*

тревогой была команда: «Воздух!», нужно было за 40 секунд одеться и занять свое место в расчете оружия для воздушной обороны. Всегда при себе нужно было иметь каску, винтовку, противогаз, саперную лопату.

Я была командиром отделения крупнокалиберного пулемета.

Изучали материальную часть винтовки, пулемета, орудия. Нужно было определить по звуку самолета направление его полета, скорость и марку.

При передвижении приходилось рыть окопы. В роте у нас было отделение связи, приходилось при порыве провода ползти с катушкой соединять провод. Участвовали в боях с Японией при освобождении Южного Сахалина и Курильских островов.

Награждена орденом Отечественной войны и 16 медалями».

Турчин Д.А.

Дмитрий Афанасьевич Турчин рассказывает: «К лету 1942 года обстановка на всех фронтах оказалась тяжелой и сложной. В это время впервые в городе Артеме окончили десятилетнюю школу шесть юношей и 13 девочек. Всех ребят, рвущихся на фронт, военкомат взял на учет и по мере надобности с учетом образования призывал на войну. Я застрял, так как по окончании школы мне исполнилось лишь семнадцать лет. Никакие уговоры комиссара военкомата не имели успеха. В конце концов комиссар привлек меня к технической работе в военкомате.

Наблюдая, как каждую ночь военкомат отправлял по две-три машины новобранцев, я каждый день обращался к комиссару по поводу отправки в армию. В конце концов, 2 октября 1942 года, после одного неприятного обстоятельства, я вбежал в кабинет комиссара и потребовал отправить меня с идущей машиной, которая в этот раз почему-то была единственная. Комиссар мне ответил: «Я все планирую тебя отправить в училище! Но вижу, по глупости, ты еще сбежишь. Поэтому черт с тобой, бери документы и езжай».

Я получил свои документы у дежурного офицера, схватил свой мешок, с которым каждый день ходил на работу в военкомат, и уехал, не зная, куда конкретно. Сейчас я думаю, что военный комиссар знал, куда меня повезут. Ведь все-таки я еще был несовершеннолетним.

Так, неожиданно для себя, я попал на службу в Тихоокеанский военный флот. Надо сказать, что в это время везде формировалась морская пехота. Отдельные формирования военных моряков в то время на передовых фронтах показали себя особенно яростно. Фашисты боялись бескозырок и тельняшек.

ДВ военный флот тоже активно пополнялся морской пехотой, в которую иногда переводились сухопутные части.

Надо отметить, что в связи с активным наступлением врага, несмотря на то, что наши границы буквально подпирала многочисленная японские империалистические войска – союзники фашистов по известному Тройственному договору (Германия, Италия, Япония), командование Вооруженных Сил страны вынужденно было большую часть личного состава флота перебрасывать на западные фронты.

Как легко догадаться, я стал артиллеристом. Нас учили недолго. К концу 1942 года я уже был в орудийном расчете. Орудие стояло на самом крайнем выступе мыса То-

пизина, выдающегося в открытое море. Уже тогда личного состава для полного расчета не доставало. Вместо семи было четыре с одним старослужащим, командиром орудия. Но это было лишь начало наших бед. Всю зиму до осени 1943 года батарея стояла на месте. Она считалась не стационарной, а подвижной. Но вместо передвижной силы были лошади. Для каждого орудия предназначалось шесть лошадей. Кроме того был взвод управления: три отделения облегченного личного состава на строевых лошадях. Вся эта система, включая повозочное отделение, размещалась в землянках. Личный состав тоже жил в землянках. Зимой, естественно, в них трудно было удерживать тепло, а летом их заливало дождем. Почему землянки, трудно точно ответить. То ли они служили для маскировки, то ли защищали от постоянно рвущихся заградительных мин, которые отрывались от связок, приплывали к скалистым берегам и взрывались. Однажды ночью я стоял в карауле у конюшни. Буквально рядом со мною шлепнулась значительная часть мины. Она врезалась в землю так, что утром я не смог вытащить ее.

Вскоре меня перевели во взвод управления. Я стал артиллерийским разведчиком. Вся «амуниция» разведчика помимо винтовки, буссоли и стереотрубы была сконцентрирована в седле. Это: шинель, палатка, противогазы лошади и конина, котелок, запас овса (точно не помню, сколько, по-моему, 5–6 кг) в кабурчатах, а в переметных сумках — запасные подковы, всевозможные тренчики, сумка для кормления лошади, чембур с 3-метровой цепью и много другое, весящее вместе с седлом более 26 кг. Седло лежало на доске над стойкой лошади. По тревоге (а они происходили часто по разным причинам) седло не без легких усилий снималось и перемещалось на спину лошади. Но если она делала шаг в сторону, седло падало на землю и его надо было снова поднимать, иногда по несколько раз, так как лошади из-за недоедания были нервными и беспокойными.

И здесь, так или иначе, придется немного сказать о материальных условиях, вызванных военным временем. Ну, о той же лошади. Она получала три килограмма овса и тюк сена, внутри зачастую подгнившего. Для строевой лошади это еще терпимо, но для артиллерийской крайне недостаточно. Поэтому они постепенно худели, становились злобными. Самым сложным был утренний водопой. Ведь лошадь как боевой объект все время должна находиться на привязи. Но будучи несытой она в пути до воды иногда вырывалась, при этом делала стойку, опасную для человека. Оторвавшись, лошадь с жадностью набрасывалась на кусты. Ловить ее было трудно. Товарищи, помогающие ловить лошадей, не приветствовали такой ситуации, ругались. И вообще, не справившийся с лошастью был на худшем счету.

Что касается людей, то дело обстояло не лучше. За исключением 600 г хлеба питание было скудным. Верно, одна чумичка манной или другой подобной каши к обеденному постному рассольнику, наполненному двумя обрезками помидор и одной картошкой, что-то означало в питании. Но все подразделения состояли в основном из молодых людей 18–20 лет. Указанного им явно не хватало. Они тощали, слабели. Держались только силой духа и сознанием необходимости перетерпеть и победить проклятых врагов нашего народа. И никаких роптаний и недовольств. Никаких межличностных отношений. Характерно, что батарея была многонациональная. В ней

служили русские, украинцы, белорусы, евреи, казахи, татары, узбеки и еще какие-то товарищи, национальность которых никто не спрашивал. И это из каких-то сорока с лишним человек. Одежда у нас была слишком легкая, особенно худа была обувь. Сапог не было. Носили ботинки с обмотками. Эту форму обуви, по-моему, изобрели японцы. У них все рядовые были в обмотках. Батарейцам как конникам вскоре выдавали кирзовые сапоги. Остальные формирования морской пехоты так и ходили в обмотках. Шинели почему-то были широкие, и когда их снаружи туго затягивали ремнем, получалось что-то вроде платья. Нетрудно представить нашего артиллерийского разведчика с саблей на боку!

И так из года в год. Для меня — три полных года подряд в ожидании боя. Кто помоложе — меньше, а кто постарше — до восьми лет. Дело в том, что старослужащие призывались еще до войны, в 1938—1939 годах, а демобилизация перед войной была задержана. Так они и остались служивыми. Но они были буквально закаленными. К 1944 году их осталось совсем немного: уезжали на действующие фронты.

В 1943 году батарею переформировали. Лошадей забрали. Орудия и расчеты были расставлены по берегам на значительном расстоянии друг от друга. Мое орудие оказалось где-то в районе п-ва Шкота, где располагалась крупнокалиберная батарея. Наши 76-миллиметровые полевые пушки, очевидно, предназначались для защиты этой батареи в случае, если противник подойдет близко. Вообще, полевой артиллерии было много. Главной ее задачей была охрана подступов к крупнокалиберным батареям. Ворошиловская батарея была вся окольцована рядами 76-миллиметровых орудий.

На новом месте в небольшой землянке оказалось всего три человека: командир орудия (старослужащий), я, наводчик, и заряжающий. Орудие находилось так близко к срезу воды, что теперь это уже глубокое море. Справа от орудия в небольшом капонири были фугасные снаряды; слева шрапнель — на случай близкого подступа врага.

Огонь мы могли открыть буквально через минуту. У орудия круглосуточно нес вахту я или заряжающий из позднего призыва. Особенно тяжело было зимой, так как надо было заготовить дрова, постараться отдохнуть, наносить из ключа воды, при снеге обеспечить подходы к охраняемым объектам, заниматься уборкой и пр. За продуктами через каждые три дня за 17 км в тыл ходил командир орудия. Он же готовил пищу. Из одежды прибавились только телогрейки, которые надевались под шинель. Холода в ту пору были сильные. Бывало, возвратишься в землянку и сразу кипящего чаю заливаешь в себя, чтобы быстрее согреться.

Несмотря на тяжелые и длительные условия несения службы угнетающего состояния у людей не наблюдалось, хотя эксцессы были, но не в батарее. Так, отдельные лица не смогли перенести длительные условия такой жизни. Постоянно писали рапорты, чтобы их отправили на действующий фронт. Писали с просьбой дать возможность погибнуть в бою, чем загибаться в таких условиях. Были случаи самоубийств. Особая опасность существовала в самовольном бегстве на западный фронт (у нас был Дальневосточный фронт). К этому противоправному поступку подталкивало то обстоятельство, что на последнем причале против мыса Святой Елены часто форми-

ровался ж.-д. состав, отправляющийся на фронт. Был большой соблазн затеряться среди личного состава фронтовиков. Кстати, бойцы, покидая родные края, не исключали смерти в бою, потому вели себя шумно, участливо к желающим патриотам.

Чтобы избежать попыток побега на действующий фронт позднее, при появлении формирующегося состава ледокол прокладывал фарватер. Но отчаянные смельчаки каким-то образом преодолевали его. Но, как мне кажется, только некоторым из них удавалось проехать дальше Иркутска. Их возвращали в штрафбат, который располагался на краю сопки в конце ул. Крыгина. В нашу батарею в 1944 году, когда мы были уже в казарменных условиях, несколько таких товарищей поступало. Вели они себя тихо и дисциплинированно.

Особенно тяжело переносили наши западные фронтовые поражения товарищи родом из западных районов. Ведь часто по радио сообщали о только что захваченных новых районах, селах и городах, об издевательствах, которые творили фашисты над мирным населением. В батарее в огневом взводе служил белорус Семенов. Уже в 1944 году, когда мы были в казарме, однажды среди ночи в мое дежурство я увидел, как он поднялся, подошел к пирамиде с оружием, взял артиллерийский клинок (разновидность тяжелой сабли), подошел к моему радисту, обнажил клинок и его концом стал будить спящего. Я понял, что с сознанием Семенова что-то случилось. Я на расстоянии дал понять радисту, чтобы одевался, а сам побежал к кузнецу. Известно, что в каждом конном подразделении имеется штатный кузнец, самый могучий парень. Мы подбежали к Семенову сзади, давая знаки радисту. Кузнец сзади навалился на щупленького и худого Семенова. Но пришлось помогать кузнецу, чтобы изъять из рук клинок и уложить вояку на кровать.

На утреннем подъеме Семенов как ни в чем не бывало выполнял все положенные действия. Когда ему сообщили о ночном «подвиге», он даже обиделся. Но через некоторое время все повторилось. Он кричал и призывал бить фашистов и пр. При этом чуть не выпрыгнул с 3-го этажа. Его комиссовали. Хорошо, что к этому времени его район уже был освобожден от немецких полчищ.

В 1944 году батарею перевели в казарму. Орудия свезли в одно место. Организовался орудийный блок. Наше будущее представлялось положительным, так как оно зависело от известных побед на действующих фронтах страны, на которых враги нашей Родины повсеместно отступали после серьезных поражений под Москвой, Ленинградом, Сталинградом и других узловых позиций войны. И здесь следует немного остановиться на нашем Дальневосточном фронте, официально считавшемся недействующим.

Дело в том, что еще до начала Второй мировой войны фашистская Германия создала так называемую военную ось (блок), куда вошли сама Германия, фашистская Италия и империалистическая Япония. Это была единая организация указанных государств, созданная для военных захватов и порабощения многих народов мира, особенно Российского государства. Естественно, они должны были выступать вместе. Соседняя с нами Япония тогда уже успела захватить Маньчжурию и успешно развернулась на Китай, которому СССР еще не мог помочь из-за тяжелой войны с германскими полчищами и их союзниками – большинством государств Европы. Од-

нако Япония всячески стремилась помочь своему напарнику. Она войну не объявляла, но фактически находилась в состоянии войны на море, где охотилась за нашими судами и кораблями. Сухопутная граница нашей страны была плотно обложена самураями. Они не скрывали своих намерений, открыто кричали вблизи границ, что скоро войдут на наши земли, и зачастую их снайперы убивали наших военных, допустивших оплошность в маскировке. Когда я был прокурором одного из пограничных районов спустя десять лет после нашей Победы, мне приходилось иногда проезжать вблизи границы с Китаем, и я часто видел заросшие могилы наших воинов, убитых японцами. Надеюсь, что они к настоящему времени приведены в порядок. А сколько погибло невинных моряков и потоплено торговых судов! Тогда я живо вспоминал наши холодные и голодные вахты на островах. Все это приводило к ненависти и зачастую ярости в отношении японских вояк, подлых и коварных. Они побаивались объявить нам войну, но при малейшем случае стремились как можно больше навредить.

Неожиданно для батарейцев вернулись наши лошади. Впрочем, это были уже не боевые лошади, а просто живые скелеты. Где они были, мне до сих пор неизвестно. Но это все-таки были боевые кони, участники Хасанских и других боев. На некоторых были следы ранений. Характерно, что они почти не реагировали на пушечные выстрелы.

После короткой откормки лошадей начались систематические упражнения в переброске отдельных орудий и личного состава на прилегающие острова, а по суше — быстро перемещения всей батареи с места на место. Это было не легче, чем в других случаях, так как требовало быстроты и выносливости. Основное — чтобы лошади не оказались в воде. С орудиями тоже было немало хлопот. Это были старые, французского образца, короткоствольные полевые «пушки», лафеты которых представляли собою длинные узкие коробки с правилом на конце. Затем их неожиданно убрали и вооружили нас новенькими 76 мм орудиями ЗИС-3 с удлиненным стволом и раздвижными станциями. Это оружие не требовало заведомой подготовки позиции для ведения огня. Оно было снабжено отечественными панорамами.

Мы принялись осваивать новое вооружение, понимая, что война с Японией все-таки будет.

Где-то в августе 1945 года после завтрака батарею построили и комбат, пришедший с офицерами, задал вопрос: «Кто из вас шофер?» Откликнулись два человека. Остальные молчали. Действительно, в то далекое время техническая подготовка наших воинов была очень слаба. Как я понял, даже офицеры не владели умением водить автомашины. В результате этого последовал следующий вопрос: «А кто может водить машину?» Осознав, что происходит, я заявил о своем умении управлять автомобилем.

Конечно, я не до конца был правдив. В период занятий в 10-м классе, уже в разгар войны, нам пытались преподавать автодело. Но автотранспорта в школах не было. В горно г. Артема на все школы имелась всего одна полуторка ГАЗ-2А. Как-то нам показывали ее. Мы понимали, насколько важным является умение управлять

автотранспортом. Я даже сел за руль и под наблюдением водителя проехал вперед по большому двору, а потом сдал назад. Вот и все мое умение.

К нам прибыли абсолютно новые тягачи — автомобили американского производства марки «Додж три четверти» (не гарантирую правильного указания марки). Мне как командиру радиоотделения достался отдельный мотор. Теперь мы уже «на колесах» отрабатывали десантные задачи. И надо отметить, дело шло успешно.

6–7 сентября 1944 года все уже знали, что не сегодня-завтра правительство объявит войну Японии. Всюду замечалось повышенное движение, сборы, комплектование материальной техники и т.д.

И вот настал этот долгожданный час! У причалов стояли корабли, и, казалось, все живое движется к нам. Война объявлена! Но никто уже не прячется, не маскируется! Все серьезные, заботливые и задумчивые, с особой организованностью идут на посадку. Батарея подошла уже к причалам почти вплотную, когда заревели сирены, а вслед за ними «затяжка» зенитки. Последовала команда: «В укрытие».

Загнав машину в дубовую рощу, я уселся под деревом и стал дочитывать «Преступление и наказание» Ф. Достоевского. Происшедшим стрельбам я не придавал значения, так как если к нам и добрался какой-нибудь одиночка-смертник, то все равно он шлепнется в море и на остров не прорвется.

Однако прошедшая стрельба имела какое-то значение, потому что интенсивность посадки сильно увеличилась и, что самое печальное, единственную нашу батарею, прибывшую для посадки, исключили из числа отряда, уходящего боевым десантом.

Все мои надежды рухнули. Я видел, как какие-то рядовые ребята снуют между ротами, идущими на посадку к кораблям. Среди них я даже заметил Акимова из артиллерийских мастерских, с которыми батарея была связана. Я смутно догадывался, что это своеобразные «дезертиры», о которых уже упоминалось выше, ищущие возможности приклониться к какому-нибудь взводу и под прикрытием товарищей уйти в десант. Но мне это делать было недопустимо. Я был к этому времени членом КПСС и был обязан свято блюсти воинскую дисциплину.

Можно представить, какое у меня было настроение. Впрочем, не лучше были настроены остальные радисты.

Жизнь на войне состоит из ряда мгновений. И это подтвердилось явкой командира взвода управления. Он сообщил, что командованию десанта нужны еще хотя бы два хороших радиста с радиостанцией. Глядя в мои глаза, он улыбнулся. «Иди! — сказал он. — Пока комбата не видно».

Я подхватил своего напарника Мясова, удивительного сибиряка из Туруханска, где отбывал ссылку И. Сталин. Это был человек с удивительными способностями. В частности, он почти наизусть знал содержание основных трудов В.И. Ленина. Вторая его особенность заключалась в том, что он сильно страдал от недоедания. Порой приходилось отрывать от своего скромного пайка для его поддержки.

Время уже клонилось к вечеру. Пожалуй, нас последних пустили на палубу корабля. Офицер, встретивший нас, сказал: «Устраивайтесь! Но от меня далеко не уходить, особенно по прибытии».

Пока мы опомнились от дневных переживаний, настал вечер, темнело. Корабль отчалил, разворачиваясь в тесной бухте.

Пошли по палубам искать место. Но оказалось, что все забито. Люди спали на полу, на ящиках со снарядами для «катюши» (корабль был оснащен ракетной установкой), десантники даже умудрились приспособить для ночлега углы гальюна, благо, что корабль был новый. Когда вышли в открытое море, холод сковал нас. Мы укрылись под палаткой, оказавшейся единственной, так как Миясов впопыхах забыл свою. Эту палатку в память о нашем испытании холодом я до сих пор храню. В прошлом в какой-то юбилей один досужий корреспондент настойчиво пытался заполнить ее. Но я пожалел. Зато приятель один ее угол облил аккумуляторной жидкостью. Вот уж ему досталось.

С радостью встретив рассвет и восход солнца, мы увидели тихие берега, залитые солнцем. Однако всем было известно коварство японской военщины. Все это не означало, что нас не могут встретить огнем. Поэтому высадились в условиях боя.

Сгруппировавшись, пошли. Из разговоров штабистов я понял, что идем в направлении города Юки. В критические схватки включались пока редко. Но на подходе к городу почувствовали силу обороны противника, у которого было немало артиллерии. От артиллерийских залпов часть воинов полегла. Но это положение лишь добавляло злости и ярости личному составу.

На одном из флангов японская батарея палила так, что замедлила продвижение наших подразделений. Командование приказало парализовать активность вражеской батареи. Одна из рот 354-го батальона морской пехоты, несмотря на потери, буквально ворвалась на позиции батареи, охрана которой была уничтожена, а артиллеристы сбежали. И тут появился упомянутый выше беглец Акимов из артиллерийских мастерских. Увидев, что орудия батареи в боевой пригодности, он вместе с товарищами под плотным стрелковым огнем развернул орудия в сторону противника, моментально преподал необходимые артиллерийские уроки друзьям-пехотинцам, и они прямой наводкой открыли непрерывный огонь по противнику с его же орудий. Враг был ошеломлен и предпочел отступить.

Впоследствии, уже вернувшись в свою батарею, я узнал, что за свой подвиг, находчивость, смелость и сообразительность в бою Акимов был представлен к званию Героя Советского Союза. Но верховное командование припомнило ему самовольный побег из подразделения, проникновение на десантный корабль завернутым в хозяйственный брезент. И отклонило предложение представить к высочайшей награде. Однако согласилось на награду Акимова орденом Ленина. И правильно поступило. Армия сильна строгой дисциплиной. Каждый воин должен находиться на своем месте, какое определено ему командованием.

Как известно, война с фашистской Японией длилась недолго. Побывав с неделю в оккупированном нами городе, мы вернулись домой.

Под конец хочется вернуться к случаю, когда у меня не выдержали нервы и я в запарке обругал за нерасторопность Правильного. Так вот, однажды я шел в казарму, часть которой занимали артиллеристы. При этом я не заметил, чтобы кто-то шел за

мною. Как вдруг некто меня подхватил сзади и стал высоко подбрасывать. При отсутствии освещения я не мог разобрать, кто бы это мог быть. Но это, несомненно, мог быть только человек, обладающий огромной силой. Этот силач, поймав меня в очередной раз, осторожно поставил на ноги. Это оказался Правильный из моего оружейного расчета. (Верно, тогда я только на время заменял наводчика.) Он сказал: «А помнишь, как ты меня обругал тогда, когда у меня еще не доставало сил и сноровки? Ты теперь видишь, как я силен?»

Я сразу все сообразил. Я пожалел, что совершил тот необдуманный поступок. Мне стало жалко этого здоровенного и сильного парня. Разумеется, я извинился перед ним и попросил прощения. Оказывается, во время боев (а всего-то месяц) острова входили во фронтную зону. Личный состав за это время откормился фронтным пайком. Вот и Правильный успел окрепнуть до недюжинной силы.

Итак, войну объявили оконченной. В боях с Японией русская армия и флот продемонстрировали такую силу и натиск по всем направлениям: маньчжурском, китайском, сахалинском, Курильских островов и на море, что наши союзники-американцы с перепугу совершили страшное международное преступление, сбросив две единственные имеющиеся у них атомные бомбы (слава богу, что больше не было) на жителей Японии. Разумеется, при этом они в большей мере имели в виду Советский Союз.

А молодежь и старики мечтали о демобилизации. Стариков, правда, сразу же отпустили. Но их уже можно было пересчитать по пальцам. Началась холодная война...

И снова тревоги, упражнения и тренировки. Но лошадей, кажется, уже не возвращали. Технические средства боя возрастали быстро, как никогда. Большинство членов партии были охвачены институтами марксизма-ленинизма. И эти занятия позволили не забывать знания, полученные до войны.

Демобилизация пришла только в 1947 году. Четыре с половиной года моей молодости поглотила война. Пришлось начинать все с начала. А на гражданке – карточная система на хлеб, а об остальном не приходилось и думать. Еще долго тянулось время до расцвета державы.

В аспекте былого не могу не сказать о Владивостоке. Ведь город находился у черты фронта и тесно был связан с ним. И вот уже после демобилизации мне многие рассказывали, что однажды у нефтебазы стоял какой-то небольшой корабль. В это время над заливом показался японский смертник. Он направился к кораблю. Но, очевидно, решил поразить более важный объект – нефтебазу, стал разворачиваться. В этот момент матрос, находившийся на посту на палубе корабля, сразил смертника из пулеметной установки. Самолет упал в залив недалеко от нефтебазы.

Интересно знать, было ли это на самом деле. Если было, то, может быть, найти его в целях подтверждения японских нападений на мирный город».

«Хочу продолжить воспоминание Дмитрия Афанасьевича Турчина по поводу самолета-смертника, появившегося над городом Владивостоком в августе 1945 года.

Я, **Лидия Александровна Совгир (Казакова)**, родилась и выросла в этом городе. Когда началась Великая Отечественная война, была маленькой. Мы жили в Голу-

Совгир (Казакова) Л.А.

биной пади на улице Карамзинской в частном доме. О том, что идет война на западе с немцами, мы знали со слов родителей, кроме того, у многих детей деда, отцы и старшие братья ушли на фронт. На сопке рядом с нашим домом расположилась воинская часть, пушки которой стояли в нашем огороде. Мы, детвора, видели и слышали, как в части проходили учения, но близко к части нас не подпускали, гоняли, грозили сообщить родителям.

Я хорошо помню, что шел 1945 год, и вдруг в вечернее время раздался грохот пушечной канонады. Мы выскочили на улицу и увидели, что небо озарено салютом — стреляли из всех воинских частей, расположенных на сопках города Владивостока, а также с кораблей, стоящих в заливе. Жители улицы Карамзинской выбегали из своих домов, плакали, обнимались и кричали, что советские войска одержали победу над немцами.

Но недолго радовались жители нашей улицы, тут мы узнали от родителей, что началась война с Японией.

В солнечный августовский день мы, детвора, играли на улице, и вдруг кто-то из мальчишек (старше нас по возрасту) крикнул: «Японский самурай-смертник летит!» Я подняла голову и увидела самолет, который сделал круг над Орлиной сопкой, развернулся и полетел в сторону залива, послышались выстрелы с кораблей, самолет загорелся и упал в воду».

Этот же самолет, как он летел над Владивостоком, был подбит, загорелся и упал в воду, видела и **Алла Григорьевна Евдокимова**. Вскоре наши войска разбили японских милитаристов и наступил мир на нашей земле.

Исход войны решался не только на полях сражений, но и в развернувшейся по всей стране великой битве за металл, боевую технику, хлеб.

Плановое использование человеческих и материальных ресурсов, героический труд рабочих, ученых, инженеров, техников и служащих позволили добиться выдающихся успехов и обеспечить в крупных масштабах производство боевой техники и вооружения. За годы войны наша промышленность выпустила больше, чем фашистская Германия, танков в 1,8 раза, самолетов — в 1,4 раза, орудий, минометов, стрелкового оружия — более чем в 2 раза.

Евдокимова А.Г.

Выдержал суровый экзамен наш колхозный строй.

В эти героические годы жизни советского народа ковали победу в тылу врага наши ветераны труда: **Александр Иванович Нестеров, Михаил Иванович Гужавин, Реля Моисеевна Готлиб, Никита Максимович Головенко, Афанасий Павлович Усынин, Юлия Степановна Сойкина, Зинаида Константиновна Могилева, Вера Сергеевна Куликова, Матрена Андреевна Крыжановская, Степан Митрофанович**

Нестеров А.И.

Гужавин М.И.

Готлиб Р.М.

Голивенко Н.М.

Усынин А.П.

Сойкина Ю.С.

Куликова В.С.

Крыжановская М.А.

вич Зубко, Мария Иосифовна Гордиевская. Это они в суровое время обеспечивали неукоснительное соблюдение военных законов, укрепляя правопорядок и законность. И в том, что над поверженным рейхстагом запылало Красное знамя, есть и их частица труда.

Война нашему народу была знакома не понаслышке. Он собственную землю брал с боем. У нас нет улицы и даже дома, где не было бы вдовы или героя. Никогда матери, потерявшие своих детей, не утешатся. Никогда дети, лишившиеся отцов, не восстановят утраченного детства. Никогда мужчины и женщины, пережившие личные драмы, их не забудут. «Ни с чем не сравнимы потери и разрушения, которые принесла нам война, — сказал Л.И. Брежнев, — она причинила народу горе, от которого и поныне скорбят сердца миллионов матерей и сирот».

После окончания войны многие фронтовики и труженики тыла, не успевшие получить образование до ее начала, сели за парты профтехучилищ, техникумов, высших учебных заведений. Этот путь прошли и многие, кто пришел затем на работу в органы прокуратуры. Среди них В.В. Петров, С.В. Быков, Л.М. Покровский, Н.А. Денисенко, И.Ф. Бурик, В.П. Сыпко, Е.Е. Леонова, Л.Ф. Коваленко, Д.А. Турчин, И.Ф. Балабай, А.Н. Баженов, Е.К. Лелюхин, С.И. Уколов, П.А. Полянский, П.Г. Борзов, К.Р. Бугаев, Ф.К. Худяков и многие другие.

Их добросовестный, самоотверженный труд в борьбе с преступностью и

Фронтовики

Чествование участников Великой Отечественной войны в День Победы

укреплением законности в стране и крае являлся и является в настоящее время примером для многих поколений. Их успехи в работе отмечены многими приказами прокуроров края, РСФСР, СССР. Некоторым из них были присвоены почетные звания работников прокуратуры и заслуженных юристов.

Участники Великой Отечественной войны всегда пользовались и пользуются авторитетом в трудовых коллективах, среди молодежи.

Им уделялось и уделяется большое внимание руководством прокуратуры края и вышестоящих прокуратур.

Особенно много внимания этому вопросу уделяли прокуроры края М.И. Гужавин, Г.Г. Лихачев, А.А. Аникин, Ю.П. Хохлов.

Созданная в 2003 году общественная организация ветеранов прокуратуры постоянно оказывает участникам войны, их вдовам, труженикам тыла посильную помощь в приобретении лекарств, помещении в лечебные учреждения, в ремонте квартир, а также материальную помощь.

Не забывают о ветеранах ни в будничные, ни в праздничные дни.

Советом ветеранской организации с участниками войны, их вдовами, тружениками тыла проводятся вечера встреч, нуждающиеся и больные посещаются на дому.

Для участников Великой Отечественной войны в дни юбилеев организуются встречи в прокуратурах городов и районов по месту жительства.

В 2004 и в 2009 годах Советом ветеранов прокуратуры, а также прокурорами г. Арсеньева (Н.А. Скориков, А.П. Лесников), прокурором Анучинского района Р.В. Витько в честь 80-летия и 85-летия со дня рождения

участника войны В.П. Сыпко были проведены встречи коллектива прокуратуры г. Арсеньева. В них участвовали представители ад-

Поздравление Сыпко В.П.

министрации г. Арсеньева, Анучинского района, где в последние годы В.П. Сыпко работал в должности прокурора города и района.

Первый приезд членов Совета ветеранов прокуратуры был для Василия Петровича неожиданным.

Благодаря за организацию встречи и его чествования с юбилеем, Василий Петрович сказал, что в своей жизни он плакал дважды: в День Победы над фашистской Германией и при чествовании его с 80-летним юбилеем.

Аналогичные чествования с юбилеями были организованы для участников войны: Е.Е. Леоновой в прокуратуре г. Партизанска, И.Ф. Балабай и Л.Ф. Коваленко в прокуратуре г. Уссурийска (прокурор А.В. Буштрук), Д.А. Турчина, И.Ф. Бурика, Ф.К. Худякова, Е.К. Лелюхина в г. Владивостоке.

*30-летие Победы в Великой Отечественной войне. 1975 г.
Прокурор Приморского края
М.И. Гужавин поздравляет
Е.К. Лелюхина с Днем Победы*

Большую помощь в организации и проведении встреч с участниками войны оказывают прокурор края Ю.П. Хохлов, его заместители Ю.Б. Мельников, В.И. Богомолов, Н.А. Рябов, старший помощник прокурора края И.О. Номоконова, работники отдела кадров.

При праздновании дня Победы в Великой Отечественной войне старшим помощником прокурора края И.О. Номоконовой были организованы выступления участников войны: И.Ф. Бурика – по телевидению, Е.К. Лелюхина и Ф.К. Худякова – в газете «Комсомольская правда», а также по телевидению. Их подвиги во время Великой Отечественной войны и самоотверженный труд после ее окончания никогда не будут забыты. Всем им земной поклон.

День победы. 2010 г.

Встреча с участниками Великой Отечественной войны в честь 65-летия Победы

*Леонова Е.Е., Совгир Л.А., Кузнецова А.П.,
Мельников Ю.Б., Фок А.С., Савченко В.П.,
Эсауленко А. (слева направо)*

*Коваленко Л.Ф., Коваленко Г.И., Кузнецова А.П.,
Номоконова И.О., Синенко И.И., Балабай И.Ф.,
Совгир Л.А., Леонова Е.Е., Мельников Ю.Б.,
Ходосов В.И. (слева направо)*

Синенко И.И. (слева) и Леонова Е.Е.

*Балабай И.Ф., Совгир Л.А., Леонова Е.Е.,
Гладкова Г.В., Мельников Ю.Б., Ходосов В.И.
(слева направо)*

*Совгир Л.А., Леонова Е.Е., Мельников Ю.Б.,
Гладкова Г.В. (слева направо)*

Ушла война. Осталась память.
И опыленные сердца.
И похоронок злая наледь,
И чьи-то дети без отца...

И мать-старушка ждать устала
Пропавших без вести сынов...
И скорбь морщины протоптала
На лицах поседевших вдов...

Ушли сраженья, канув в Лету.
Потерь не знавшим не понять,
Что кто-то письма шлет по свету,
Родных надеясь отыскать.

И в безысходном горе где-то
Заплачет траурная медь.
И заберет в себя планета
От старых ран принявших смерть.

И где-то там, за перелеском,
Свой долг исполнивший уже,
Заснул солдат под обелиском
В своем последнем блиндаже.

А сколько рядом их со мною
Таких родных, живых солдат!
Виски окрашены войною,
И полный перечень наград.

За ваше мужество в бою,
За вашу боль, за ваши раны,
За жизнь счастливую мою —
Земной поклон вам, ветераны!

Александр Фролов

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН ВАМ, ВЕТЕРАНЫ!

*Посвящается ветеранам прокуратуры Приморского края –
участникам Великой Отечественной войны*

Автор-составитель
Совгир Лидия Александровна

Редакторы *С.А. Прудкогляд, А.А. Авдеев, В.А. Авдеева*
Технический редактор *А.А. Лядичева*
Дизайн обложки и компьютерная верстка *Е.А. Прудкогляд*

Подписано в печать 15.08.2010.
Формат 70х100/16. Усл. печ. л. 3,55. Уч.-изд. л. 3,55.
Тираж 100 экз. Заказ 118.

Издательство Дальневосточного университета
690950, Владивосток, ул. Октябрьская, 27

Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического комплекса ДВГУ
690950, Владивосток, ул. Алеутская, 56